

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

А. В. Полетаев

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
РОССИЙСКОГО РЫНКА ТРУДА**

Препринт WP3/2003/06
Серия WP3
Проблемы рынка труда

Москва
ГУ ВШЭ
2003

Полетаев А.В. Эффективность функционирования
П 49 российского рынка труда. Препринт WP3/2003/06. —М.:
ГУ ВШЭ, 2003. — 52 с.

В работе анализируется степень эффективности российского рынка труда на макроуровне и в разрезе отраслей экономики. Рассматривается структура использования рабочей силы и долговременные тенденции изменения часовой производительности труда. В явном виде продемонстрирована неэффективность функционирования секторов хозяйства, в которых присутствуют элементы нерыночной деятельности.

УДК 331.1
ББК 65.240

Препринты ГУ ВШЭ размещаются на сайте:
<http://www.hse.ru/science/preprint/>

© Полетаев А.В., 2003
© Оформление. ГУ ВШЭ, 2003

ВВЕДЕНИЕ*

В ряде исследований, выполненных российскими специалистами, уже был проведен глубокий и всесторонний анализ функционирования рынка труда в условиях трансформационного кризиса 1990—1998 гг., в этих же работах рассмотрены основные методологические проблемы изучения рынка труда с учетом возможностей и ограничений существующей информационной базы¹.

Как показано в этих исследованиях, развитие российского рынка труда в 1990-е гг. характеризовалось необычайно высокой адаптационной эффективностью. В результате происходивших в данной сфере процессов, во-первых, удалось избежать массовой безработицы и сопутствующих ей негативных социальных последствий. В частности, удалось удержать на минимальном уровне интенсивность социального протеста, о чем свидетельствует, среди прочего, низкий, по мировым меркам, уровень забастовочной активности.

Во-вторых, в целом удалось удержать на относительно приемлемом уровне эффективность производства. В частности, снижение производительности было в целом компенсировано сокращением реальной заработной платы, что обеспечило приемлемый уровень рентабельности бизнеса. В-третьих, при довольно значительном уменьшении реальной заработной платы уровень реального потребления сократился в существенно меньшей степени. В каком-то смысле это тоже было связано с функционированием рынка труда в широком смысле: сокращение занятости и доходов, получаемых в общественном секторе, было отчасти компенсировано работой в домашних хозяйствах, прежде всего в сфере сельскохозяйственного производства.

В-четвертых, динамика цены труда по меньшей мере не подталкивала развитие инфляционных процессов, а, может быть, сдерживала их. Здесь сыграло свою роль фактическое отсутствие профсоюзов и организованного рабочего движения. Наконец, произошла достаточно активная реаллокация ресурсов в соответствии с изменившейся структурой спроса: речь идет прежде всего о перераспределении труда из отраслей, производящих товары, в сферу услуг.

В то же время на рынке труда в 1990-е гг. наблюдался и целый ряд негативных процессов, в том числе связанных с гипертрофированным развити-

* Автор выражает благодарность В. Гимпельсону (ЦТИ ГУ ВШЭ), Т. Горбачевой (Госкомстат РФ), Р. Капелюшникову (ИМЭМО РАН) и О. Синявской (НИСП) за ценные советы и предоставленные материалы.

¹ См.: Капелюшников Р. И. Российский рынок труда: Адаптация без реструктуризации. М.: ГУ ВШЭ, 2001; Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991—2000 гг.) / Бюро экономического анализа. Отв. ред. Т. М. Малева. М.: ТЕИС, 2002.

ем неформальных институтов и договорных отношений, и недостаточным развитием стимулов к повышению эффективности трудовой деятельности.

Все перечисленные позитивные и негативные характеристики отнеслись прежде всего к периоду кризисного спада в экономике. Сейчас, на пятом году экономического подъема, целесообразно проанализировать рынок труда с точки зрения эффективности его функционирования в условиях роста. Речь идет, в частности, об анализе структуры предложения рабочей силы и спроса на труд, анализе степени интенсивности использования работников, вовлеченных в процесс производства, оценке уровня и динамики часовой производительности труда на макроуровне и в отраслевом разрезе, оценке перспектив изменения эффективности рынка рабочей силы в среднесрочном периоде и возможностей активного воздействия государства на его функционирование.

В данной работе используются следующие сокращения:

- БТР — баланс трудовых ресурсов;
- ОНПЗ — обследование населения по проблемам занятости;
- КСП — крупные и средние предприятия;
- ЖКХ — жилищно-коммунальное хозяйство;
- ЛПХ — личное подсобное хозяйство;
- СНС — система национальных счетов;
- ОБДХ — обследование бюджетов домашних хозяйств;
- ОКОНХ — общесоюзный классификатор отраслей народного хозяйства;
- ОКВЭД — общероссийский классификатор видов экономической деятельности;
- МОТ — Международная организация труда;
- ОЭСР — Организация экономического сотрудничества и развития.

1. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Основным источником информации о структуре рабочей силы являются результаты Обследований населения по проблемам занятости, проводимых Госкомстатом (далее — ОНПЗ). В связи с существенными изменениями методики проведения обследований (как набора вопросов, так и их формулировок) данные за 1992—1996, 1997—1998, 1999—2000 и 2001—2002 гг. несопоставимы между собой², поэтому здесь мы ограничимся статическим анали-

² См.: Методологические положения по статистике. Вып. 4. М.: Госкомстат, 2003. С. 153—156.

зом за 2002 г. При этом мы будем использовать среднегодовые оценки, полученные как средняя из четырех ежеквартальных недельных обследований.

Основным показателем, характеризующим уровень использования рабочей силы, в соответствии с международной практикой, является уровень занятости, т. е. отношение числа занятых к численности населения. В данном случае мы не будем специально останавливаться на анализе незанятого населения, поскольку исследование этой части рабочей силы представляет самостоятельную и, при нынешнем состоянии источников, трудно поддающуюся анализу проблему. Незанятое население, в рамках используемых в ОНПЗ определений МОТ, является весьма разнородным по составу и включает, среди прочего, значительное число лиц, имеющих постоянное занятие (учащиеся дневной формы обучения и лица, занятые ведением домашнего хозяйства) или имеющих постоянный источник дохода (пенсионеры по возрасту, инвалидности и т. д.). Весьма условными являются и проводимые в рамках принятой методологии и основанные исключительно на ответах и самооценках самих респондентов различия между отдельными группами лиц, в принципе желающих работать (ищущие и не ищущие работу, готовые и не готовые приступить к ней).

В данном случае нас в большей мере интересует не предложение рабочей силы само по себе (которое зависит, в частности, от неопределенного сочетания эффектов дохода и замещения, а также от функции предпочтения досуга), а соотношение предложения и спроса, которое четко фиксируется именно показателем уровня занятости.

Эффективность использования рабочей силы как с количественной, так и с качественной точки зрения, может быть рассмотрена в разрезе четырех базовых характеристик рабочей силы: двух демографических (пол и возраст) и двух социальных (тип поселения и тип образования).

1.1. Демографические характеристики рабочей силы

Характеристики занятости по полу соответствуют традиционным (рис. 1): уровень занятости среди мужчин выше, чем уровень занятости среди женщин (в 2002 г. — 64,7% и 55,5% соответственно).

Распределение уровней занятости по возрастным группам, в свою очередь, имеет обычный — образный вид (рис. 2), достигая максимума в возрастной группе 40—44 года (83,8% в 2002 г.).

У мужчин максимальный уровень занятости достигается в возрастной группе 35—39 лет (84,9%), у женщин — в возрастной группе 40—44 года (83,4%). Во всех возрастах уровень занятости среди мужчин превышает уровень занятости среди женщин (рис. 3), при этом наименьший разрыв наблюдается в возрастных группах 40—44 и 45—49 лет (0,7 п.п.), макси-

мальный — в возрасте 55—59 лет (25,3 п.п.). Понятно, что это связано с различием в возрасте выхода на пенсию (55 лет у женщин и 60 лет у мужчин), и мы вернемся к этой проблеме чуть ниже.

Рисунок 1. Уровень занятости по полу, 2002 г.

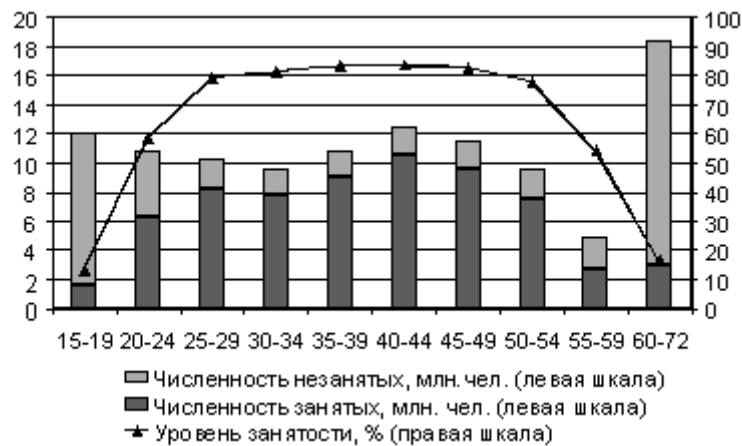

Рисунок 2. Уровень занятости по возрастным группам, 2002 г.

Для оценки показателей уровня занятости по половозрастным группам с качественной точки зрения, целесообразно обратиться к международным сопоставлениям, сравнив данные по России с показателями для 30 стран, входящих в ОЭСР (табл. 1). В соответствии со стандартной мето-

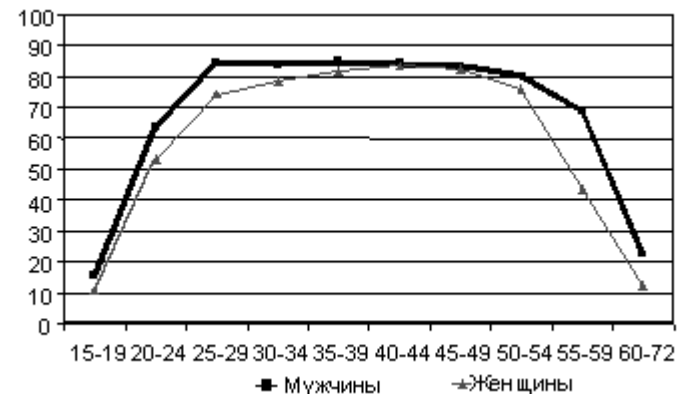

Рисунок 3. Уровень занятости по возрастным группам и полу, 2002 г.

Таблица 1. Уровень занятости в странах ОЭСР (2001 г.) и в России (2002 г.) по возрасту и полу, %*

	Мужчины	Женщины	Разность (п.п.)
15—24 года			
Нидерланды	71,5	Нидерланды 69,2	Корея* —11,3
Медиана	41,6	Медиана 34,4	Медиана 6,8
Россия	38,1	Россия 31,0	Россия 7,1
Корея	23,1	Польша 20,0	Мексика 31,3
25—54 года			
Швейцария	95,3	Исландия 86,2	Россия 3,9
Медиана	88,0	Россия 79,6	Медиана 15,9
Россия	83,5	Медиана 71,9	Медиана 15,9
Польша	75,5	Турция 26,2	Турция 53,3
55—64 года			
Исландия	91,0	Исландия 80,2	Финляндия 1,6
Медиана	57,2	Медиана 30,1	Россия 18,3
Россия	45,5	Россия 27,2	Медиана 20,7
Венгрия	34,9	Словакия 9,8	Мексика 52,1

* В каждой группе приведено максимальное, минимальное и медианное значение. Рассчитано по: OECD Employment Outlook. P.: OECD, 2002. P. 307—315; для России—данные Госкомстата России.

дологией, используемой в странах ОЭСР, уровень занятости оценивается для населения в возрасте 15—64 года (в некоторых странах — 16—64 года) по трем возрастным интервалам: 15—24, 25—54 и 55—64 года. В России обследования занятости проводятся для населения в возрасте 15—72 года, поэтому при международных сопоставлениях из них должен выбираться сопоставимый возрастной интервал (15—64 года).

В возрастной группе 15—24 года показатели по России немного уступают медианным для этой группы³. Медианный показатель уровня занятости для мужчин в этой группе равен 41,6%, для женщин — 34,4%. Эти показатели примерно на 3,5 п.п. превышают российские (38,1% и 31,0% соответственно). Впрочем, обсуждение уровней занятости в возрасте 15—24 года, вообще говоря, не актуально, поскольку непонятно, следует ли здесь стремиться к увеличению или к понижению уровня занятости и, соответственно, к максимально полному охвату населения образованием, а не работой. Поэтому с точки зрения долгосрочной эффективности коэффициент занятости в этой возрастной группе скорее должен понижаться, а не повышаться. В любом случае российские показатели для этой возрастной группы вполне укладываются в международные стандарты.

Гораздо более специфичной выглядит российская ситуация в основной трудоспособной возрастной группе — 25—54 года. В группе из 29 стран⁴ российские мужчины занимают по уровню занятости пятое место с конца списка, с одним из самых низких показателей, а женщины, наоборот — пятое место с начала списка, с одним из самых высоких уровней занятости. В 2002 г. в России в этой возрастной группе уровень занятости мужчин был ниже медианного для стран ОЭСР уровня на 4 п.п. Однако возможности его повышения невелики, учитывая состояние здоровья мужчин в трудоспособном возрасте, что наглядно отражается в показателях смертности для средних возрастов.

Уровень занятости у женщин в большей степени, чем занятость мужчин, варьируется по странам, что связано с национальными традициями функционирования рынков рабочей силы (в частности, в Корее, Греции, Испании, Мексике соответствующий показатель составляет менее 55%, а в Турции вообще лишь 26%). В России же уровень занятости женщин в возрасте 25—54 года является одним из самых высоких в мире и явно превышает пределы нормального. Это связано отчасти с низким уровнем доходов

³ Здесь из рассмотрения исключены 6 стран (Великобритания, Исландия, Испания, Норвегия, США, Швеция), в которых оценки даются для возрастного интервала 16—24 года.

⁴ В этой и в старшей возрастной группе из анализа исключена Италия, в которой возрастные интервалы обследований не совпадают со стандартными.

населения (потребность в двух кормильцах в полных семьях), социально-демографическими характеристиками (высокая доля одиноких женщин и неполных семей), а также с наследием советской системы с ее фактически принудительным вовлечением женщин в «производственный процесс».

Что касается уровня занятости в возрасте 55—64 года, то здесь межстрановые различия определяются, помимо национальных традиций, склонностей и т. д., возрастом выхода на пенсию. В большинстве стран ОЭСР возраст выхода на пенсию мужчин составляет 65 лет, в то время как в России и некоторых других странах (в частности, бывших социалистических), он равен 60 годам. Особую российскую проблему представляет возраст выхода на пенсию женщин (55 лет), что является исключительным случаем. В результате показатель для возрастного интервала 55—64 года, используемого в международных сопоставлениях, в 2002 г. в России составлял 46% для мужчин и 27% для женщин, что на несколько пунктов ниже медианного уровня для рассматриваемого набора из 29 стран. При этом разница в уровнях занятости мужчин и женщин в этой возрастной группе составляла в 2002 г. 18,3 п.п., что было близко к медианной величине (см. табл. 1).

Заметим, что в России в 2002 г. уровень занятости в «пенсионных» возрастных группах заметно вырос по сравнению с предшествующими годами. Этот скачок являлся разовым и был связан с изменением пенсионного законодательства. Дело в том, что с 1998 г. пенсия могла исчисляться по новым правилам, обеспечивавшим ее более высокий уровень по сравнению с правилами исчисления, действовавшими до этого. Однако возможность выбора этого нового порядка исчисления пенсии распространялась только на неработающих пенсионеров. Это искусственно сдерживало предложение рабочей силы среди лиц в возрасте 55—59 лет, в первую очередь среди женщин, но отчасти и среди мужчин, имеющих право на досрочную пенсию. С 2002 г. вступил в силу закон о трудовых пенсиях, в котором существовавшие ранее ограничения для работающих пенсионеров были сняты, в результате резко возросло предложение рабочей силы в этой возрастной группе, прежде всего среди женщин, и это предложение было в основном удовлетворено со стороны спроса.

В 2002 г. общая численность занятых выросла на 1,67 млн. чел. по сравнению с 2001 г., при этом занятость в пенсионных возрастах (60—72 года у мужчин и 55—72 года у женщин) выросла на 0,34 млн. чел., т. е. 20% прироста занятости в этом году можно отнести на счет изменения пенсионного законодательства. При этом уровень занятости у женщин в возрастной группе 55—59 лет увеличился по сравнению с 2001 г. на 10,0 п.п. (с 33,5% в 2001 г. до 43,5% в 2002 г.). Очевидно, впрочем, что это влияние было разовым и вряд ли можно ожидать столь же быстрого роста занятости среди пенсионеров в дальнейшем.

При обсуждении проблемы занятости в старших возрастах, целесообразно посмотреть на данные об ожидаемой продолжительности жизни (табл. 2). В настоящее время при пенсионном возрасте 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин разница в ожидаемой продолжительности жизни «на пенсии» составляет 9 лет в пользу женщин. Если исходить из соображений «социальной справедливости», то соотношение возрастов выхода на пенсию должно быть обратным ныне существующему: 55 лет для мужчин и 60 лет для женщин. По крайней мере, в этом случае ожидаемая продолжительность жизни «на пенсии» уменьшилась бы до 2 лет в пользу женщин.

Таблица 2. Ожидаемая продолжительность жизни (лет)

	Женщины в возрасте 55 лет	Женщины в возрасте 60 лет	Мужчины в возрасте 55 лет	Мужчины в возрасте 60 лет
1993	22,6	18,7	15,9	13,2
1994	22,0	18,3	15,1	12,6
1995	22,5	18,6	15,7	13,1
1996	22,8	18,9	16,3	13,6
1997	22,8	18,8	16,6	14,0
1998	22,9	19,0	16,9	14,1
1999	22,6	18,6	16,3	13,5

Источник: Обзор занятости в Российской Федерации. Вып. 1 (1991–2000 гг.) Бюро экономического анализа; отв. ред. Т. Малева. М.: ТЕИС, 2002. С. 22 (расчеты С. Захарова).

Понятно, что уменьшение пенсионного возраста для мужчин не актуально, поэтому попытаемся оценить, что может дать повышение пенсионного возраста для женщин с точки зрения использования рабочей силы (оставляя в стороне другие аспекты такого решения).

В возрастной группе 55–59 лет в 2002 г. уровень занятости среди женщин был на 25 п.п. ниже, чем среди мужчин. При этом в соседних возрастных группах эта разница составляла: около 5 п.п. в возрасте 50–54 года и около 12 п.п. в возрасте 60–64 года (рис. 4). При одинаковом пенсионном возрасте разница между уровнями занятости мужчин и женщин в возрасте 55–59 лет была бы где-то между уровнями, наблюдаемыми в соседних возрастных категориях. Соответственно, уровень занятости среди женщин в возрасте 55–59 лет составлял бы не 43%, как сейчас, а 60–62%. Иными словами, с учетом численности женщин в этой возрастной группе в экономическую деятельность (предполагая наличие соответствующего

спроса) было бы вовлечено дополнительно примерно 0,5 млн. чел., что, вообще говоря, является незначительной величиной в масштабах российского рынка труда. В последующие годы, когда в эту возрастную когорту начнут входить лица, родившиеся после 1947 г., ее размер начнет расти, и через несколько лет увеличение пенсионного возраста для женщин могло бы дать приращение занятости порядка 1 млн. чел.

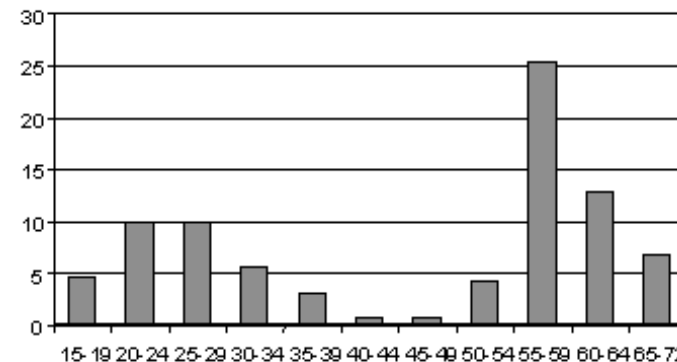

Рисунок 4. Разность между уровнями занятости мужчин и женщин, 2002 г., %

Таким образом, хотя с точки зрения общественной эффективности в настоящее время определенная часть рабочей силы, а именно, женщины в возрасте 55–59 лет, «недоиспользуется», но масштабы этого недоиспользования относительно невелики и не сказываются на характеристиках рынка труда в целом. Как уже отмечалось, в России уровень занятости среди женщин в возрасте 55–64 года всего на 3 п.п. ниже медианного показателя для стран ОЭСР (при том, что в большинстве стран ОЭСР, в отличие от России, этот возраст относится к трудоспособному). С точки зрения международных сопоставлений гораздо значительнее отставание России по уровню занятости среди мужчин, но оно связано с более общими проблемами.

1.2. Социальные характеристики рабочей силы

Уровень занятости сельского населения в 2002 г. составлял 55,9% по сравнению с 61,2% среди городского населения (рис. 5).

Различия в степени использования рабочей силы в городе и деревне примерно одинаковы как для мужчин, так и для женщин. Одновременно в обеих группах населения — городского и сельского — почти одинаково дей-

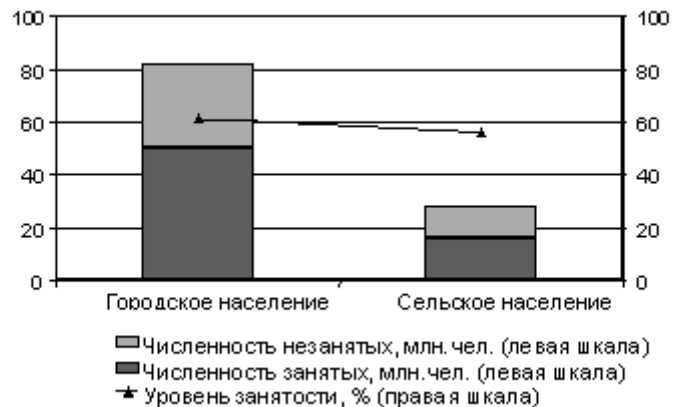

Рисунок 5. Уровень занятости по типу поселения, 2002 г.

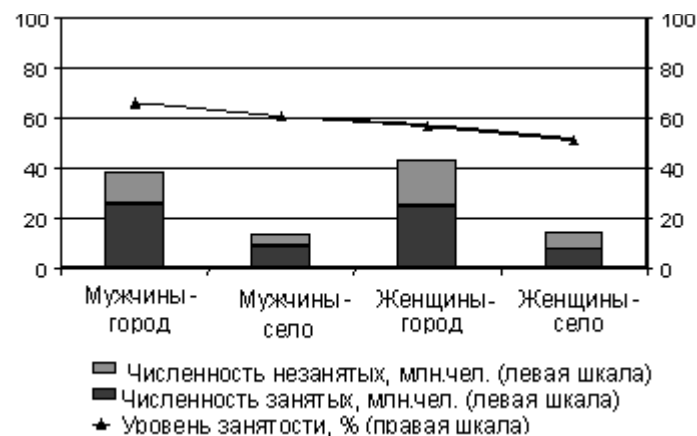

Рисунок 6. Уровень занятости по типу поселения и полу, 2002 г.

ствуют различия в уровнях занятости мужчин и женщин. Так, в 2002 г. уровень занятости мужчин в городе превышал соответствующий показатель для женщин на 9,2 п.п., в сельской местности — на 9,5 п.п. В результате, при совместном учете различий по типу поселения и полу, наивысший уровень занятости наблюдается среди мужчин в городе, затем — среди мужчин на селе, следующим по величине идет уровень занятости среди женщин в городе и, наконец, уровень занятости женщин на селе (рис. 6). Таким образом, с

точки зрения занятости различия по полу оказываются более существенными, чем различия по типу поселения.

Гендерные различия (превышение уровня занятости среди мужчин над уровнем занятости среди женщин) больше в городе в возрастных группах 30—39 и 60—72 года, а в группах 15—19, 20—29 и 50—59 лет на селе уровень занятости мужчин превышает уровень занятости женщин в большей степени, чем в городе (рис 7).

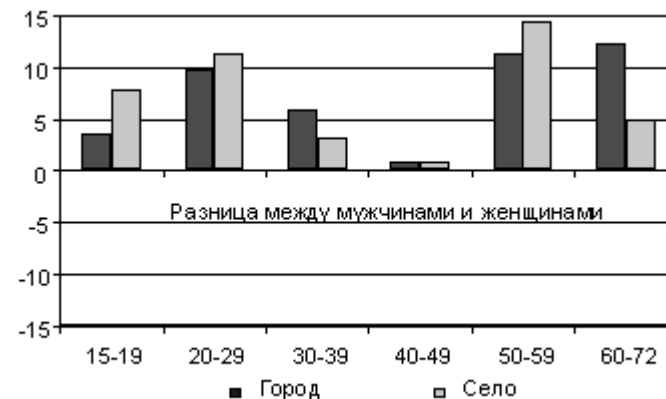

Рисунок 7. Разница между уровнями занятости мужчин и женщин по типу поселения и возрастным группам, 2002 г., проц. пункты

Уровень занятости в городе выше, чем на селе, и среди мужчин, и среди женщин во всех возрастных группах с 20 до 59 лет (рис. 8). Исключение составляет младшая возрастная группа 15—19 лет: на селе в этом возрасте вовлечено в трудовую деятельность относительно больше лиц, чем в городе (соответственно, в городе больший процент молодежи в этом возрасте учится в дневных учебных заведениях). Наконец, в старшей возрастной группе доля сельских женщин, продолжающих работать, выше, чем доля городских женщин этого возраста.

Если различия в уровнях занятости по типу поселения оказываются менее значимыми, чем демографические различия по полу и возрасту, то влияние типа образования существенно превосходит роль демографических факторов в формировании показателей занятости. В принципе, чем выше уровень образования, тем выше уровень занятости. В 2002 г. в группе лиц с высшим профессиональным образованием уровень занятости составил 80,1%, а среди лиц с начальным общим образованием и без образования — всего 13,1% (рис. 9). Конечно, лица с низшими уровнями образо-

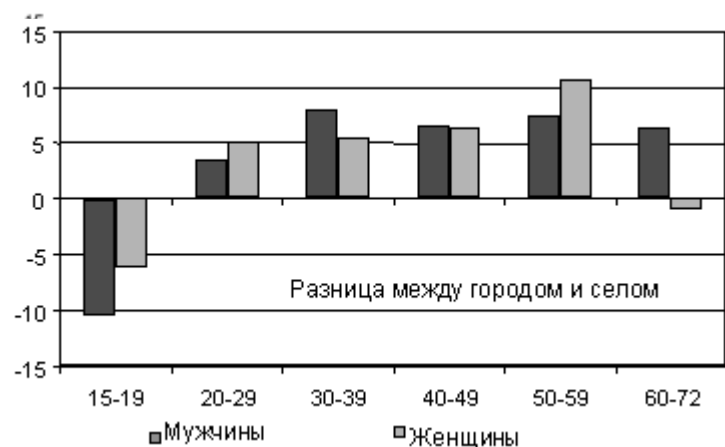
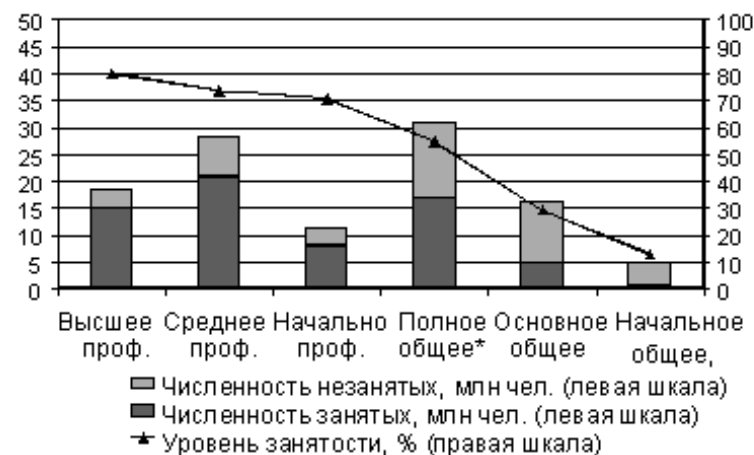

Рисунок 8. Разница между уровнями занятости городского и сельского населения по полу и возрастным группам, 2002 г., проц. пункты

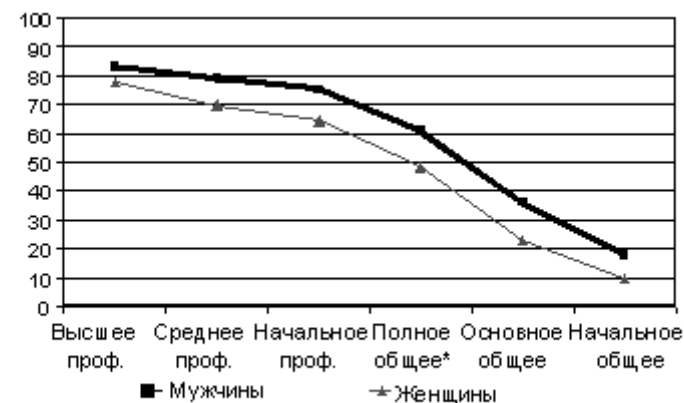
* Включая неполное высшее.

Рисунок 9. Уровень занятости по типам образования, 2002 г.

вания в значительной части относятся к старшей возрастной группе (60—72 года), где уровень занятости в принципе низок, однако это не отменяет общую закономерность. Чем выше уровень образования населения, тем

выше его экономическая активность и тем больший спрос предъявляет на этот тип рабочей силы рынок труда.

Влияние типа (уровня) образования на уровень занятости примерно одинаково проявляется как среди мужчин, так и среди женщин (рис. 10). При этом чем выше уровень образования, тем меньше разница между уровнем занятости мужчин и женщин. Для лиц с высшим образованием

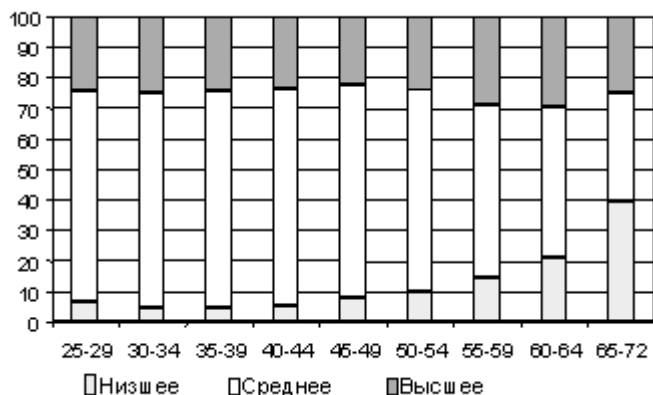

* Включая неполное высшее.

Рисунок 10. Уровень занятости по типам образования и полу, 2002 г., %

эта разность составляет 5,5 п.п., для лиц с основным общим образованием — 13,0 п.п. Иными словами, среди женщин уровень образования влияет на уровень занятости несколько сильнее, чем среди мужчин. Исключение составляет группа лиц с начальным общим и без образования, где гендерная разность равна 8,0 п.п., но это опять-таки связано с возрастной структурой населения.

К сожалению, данные о структуре всего населения по уровню образования и возрасту отсутствуют — имеются лишь данные о распределении занятых по уровню образования и возрасту. В структуре занятости с возрастом увеличивается доля лиц с высшим профессиональным образованием: примерно с 24,5% в возрасте 25—34 года до 29,5% в возрасте 55—64 года (рис. 11). Доля занятости лиц со «средним» образованием (среднее и начальное профессиональное, неполное высшее и полное общее) устойчиво равняется примерно 70% занятых в возрасте 25—49 лет, после чего начинает снижаться до 35% в возрасте 65—72 года. Наконец, доля занятости лиц с «низшим» образованием (основное общее, начальное общее, без об-

* «Высшее» — высшее профессиональное, «среднее» — среднее и начальное профессиональное, неполное высшее и полное общее, «низшее» — основное общее, начальное общее, без образования.

Рисунок 11. Структура занятости по типам образования и возрастным группам, 2002 г., %

разования), составляющая около 5% в возрастах 25—44 года, растет с увеличением возраста и достигает 40% в возрастной группе 65—72 года. Показатели по более дробным типам образования, объединенных нами в «среднюю» и «низшую» образовательную группу, имеют схожую динамику в рамках соответствующих групп.

Наблюдаемые закономерности связаны с изменением экономической активности и спроса на разные типы рабочей силы по уровню квалификации. В результате действия этих факторов уровень занятости среди лиц с высшим профессиональным образованием с возрастом по крайней мере не уменьшается, а среди лиц с «низшим» образованием, по-видимому, даже возрастает (за счет этой группы удовлетворяется спрос на неквалифицированный низкооплачиваемый труд). В то же время среди лиц со «средним» образованием уровень занятости с возрастом начинает активно снижаться.

Подводя промежуточные итоги можно отметить, что в целом структура занятости в России свидетельствует о достаточно высокой эффективности использования рабочей силы. Рынок демонстрирует тенденцию к преимущественному вовлечению в трудовую деятельность наиболее производительных, с экономической точки зрения, групп населения, к которым относятся: мужчины, работники в возрасте 25—54 года, городские жители, лица с профессиональным образованием.

2. АГРЕГАТНЫЙ АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ В НЕСЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ СЕКТОРЕ

В данном разделе рассматривается динамика эффективности рынка труда в долгосрочном периоде. В качестве синтетического показателя эффективности мы используем показатель часовой производительности труда, т. е. отношение добавленной стоимости в неизменных ценах к количеству отработанных человеко-часов в данном секторе экономики. Этот показатель позволяет наиболее четко выявить соотношение между затратами труда и его результатами.

Анализ производительности труда занимал одно из центральных мест в исследованиях советской экономики, как в работах отечественных, так и зарубежных авторов. В 1990-е гг интерес к этой проблеме практически исчез, что объясняется вполне понятными причинами: анализ производительности традиционно связан с экономическим ростом и поэтому рассматривался как неуместный или irrelevantный в условиях долгосрочного экономического спада⁵. В настоящее время есть все основания для того, чтобы вновь обратиться к этой теме.

В данной части работы мы сосредоточимся на анализе производительности труда на макроуровне. Однако, учитывая, что функционирование сельского хозяйства в мировой практике в целом, а в российских условиях — в особенности, имеет существенную специфику, отличающую этот сектор от других отраслей экономики, макроанализ мы проводим для несельскохозяйственного сектора, что соответствует практике, принятой в большинстве развитых стран. Анализ производительности на уровне всей несельскохозяйственной экономики мы дополним рассмотрением данного показателя применительно к промышленности, поскольку по этому сектору имеется информация за длительный период времени. Собственно же отраслевой анализ производительности мы проведем в следующем параграфе, а сельское хозяйство рассмотрим отдельно в последнем разделе.

2.1. Занятость

Основная проблема, возникающая при оценке величины занятости — это выбор между показателями занятости по Балансу трудовых ресурсов (далее — БТР) и по Обследованиям населения по проблемам занятости (ОНПЗ). Впрочем, при динамическом анализе выбор оказывается одно-

⁵ Одно из немногих исключений — работа, выполненная в Институте МакКинси и посвященная анализу производительности на микроуровне, см.: Экономика России: рост возможен. Исследование производительности ключевых отраслей. М.: MacKinsey Global Institute, 1999.

значным — как отмечалось выше, данные ОНПЗ в силу постоянных изменений методики практически несопоставимы во времени. Методика составления БТР также менялась в 1990-е гг., но все же основную часть данных БТР составляют достаточно устойчивые и надежные показатели отчетности предприятий и организаций, в то время как данные ОНПЗ основаны на непроверяемой и во многом субъективной информации респондентов, участвующих в опросах. Тем не менее, хотя данные БТР являются, на наш взгляд, более предпочтительными при оценке численности занятых, при анализе некоторых структурных характеристик рынка труда целесообразно использовать данные ОНПЗ и даже относительно ограниченные по степени охвата экономики данные по крупным и средним предприятиям (далее — КСП).

По данным БТР, численность занятых в несельскохозяйственном секторе экономики (рис. 12) сократилась с 65,4 млн. чел. в 1990 г. до 54,8 млн. чел. в 1998 г. (–16,1%), а к 2002 г. увеличилась до 57,7 млн. чел. (+5,2%). В результате в 2002 г. занятость в несельскохозяйственном секторе была на 11,7% ниже, чем в 1990 г. Число занятых в промышленности начало сокращаться еще во второй половине 1980-х гг., уменьшившись с 24,2 млн. чел. в 1885 г. до 22,8 млн. чел. в 1990 г. (–5,7%). Этот процесс еще больше ускорился в 1990-е гг., и к 1998 г. занятость в промышленности сократилась до 14,2 млн. чел. (–37,9%), а затем к 2002 г. выросла до 14,8 млн. чел. (+4,3%).

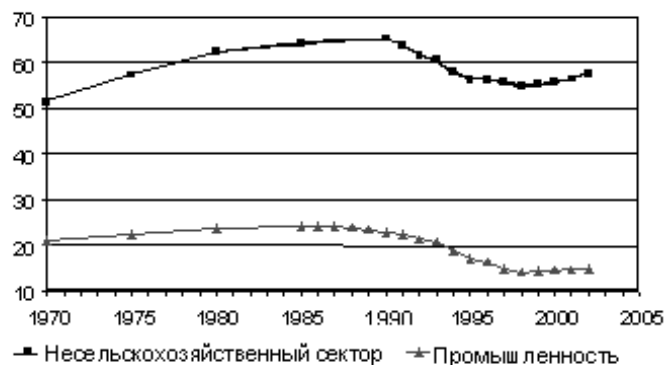

Рисунок 12. Занятость в несельскохозяйственном секторе и в промышленности, млн. чел.

Существенной характеристикой рынка труда является его структура с точки зрения форм занятости, и здесь основным источником информации выступают данные ОНПЗ. В качестве основных в российской эконо-

мике можно выделить три формы занятости: занятые по найму на постоянной работе, занятые по найму на непостоянной работе (по договору на определенный срок или на выполнение оговоренного объема работ) и самозанятые (работодатели, самостоятельно занятые, члены производственных кооперативов и неоплачиваемые семейные работники). В двух последних группах выделяются отдельные перечисленные категории, но мы не будем их рассматривать специально в силу незначительной величины каждого отдельного показателя.

Согласно данным ОНПЗ, в несельскохозяйственном секторе среди занятых на основной работе доля работающих по найму на постоянной основе составляла в 2002 г. 88%. Доля работающих по найму по договорам равнялась 7%. Наконец, доля самозанятых составляла менее 5% (табл. 3).

Таблица 3. Формы занятости в несельскохозяйственном секторе экономики по данным ОНПЗ, 2002 г.

Формы занятости	Первичная занятость		Вторичная занятость	
	Численность (млн. чел.)	Структура (%)	Численность (млн. чел.)	Структура (%)
Всего	58,8	100,0	0,9	100,0
Наемные работники	56,1	95,4	0,7	70,9
Постоянные	52,0	88,4	0,32	8,4
Непостоянные	4,1	6,9	0,4	42,4
Самозанятые	2,7	4,6	0,3	29,1

Рассчитано по: данные Госкомстата.

Понятно, что 5% самозанятых при 95% наемных работников в экономике — это явная диспропорция с точки зрения нормального функционирования рынка труда. Правда, данные ОНПЗ могут занижать долю самозанятых, поскольку они основаны на ответах респондентов. Эти ответы подвержены определенным смещениям, как в силу недостаточного знания точных экономических определений, так и в силу психологических причин. В частности, можно предположить, что из-за некоторых традиционных установок, сформировавшихся в советское время, самозанятость (и особенно предпринимательская деятельность) считаются менее престижными, чем «трудовая» работа по найму. С феноменами подобного рода мы будем сталкиваться и в ходе последующего изложения. Но в данном слу-

чае на незначительные масштабы распространения гибких форм занятости указывают и данные отчетности крупных и средних предприятий. Так, в 2002 г. число работающих по договорам гражданско-правового характера на КСП несельскохозяйственного сектора составило 871 тыс. чел., в том числе на условиях первичной занятости — 200—250 тыс. чел., т. е. всего 0,6—0,7% от численности постоянно занятых (т. н. работников списочного состава).

То обстоятельство, что в России очень низка доля самозанятых, неоднократно обсуждалось в литературе. Но не менее важным индикатором рынка является столь же низкий уровень занятости на условиях договоров. В силу специфики российского трудового законодательства, создающего существенные юридические и финансовые препятствия для увольнения постоянных работников, это также свидетельствует о негибкости рынка рабочей силы, затрудняет реаллокацию ресурсов. Работники оказываются привязаны к месту основной работы, а работодателям оказывается гораздо сложнее менять численность и состав занятых.

Еще одной существенной характеристикой рынка труда (в том числе при оценке производительности) является размер вторичной занятости. Судя по данным ОНПЗ, в 2002 г. в несельскохозяйственном секторе во вторичную занятость было вовлечено всего 927 тыс. чел, что составляет 1,6% занятых на основной работе, в том числе в производстве товаров (промышленность и строительство) — 295 тыс. чел (1,4% к числу занятых на основной работе), в производстве услуг — 632 тыс. чел. (1,7% к числу занятых на основной работе). Что касается структуры вторичной занятости, то, судя по данным ОНПЗ, она выглядит более прогрессивно, чем структура занятых на основной работе. В 2002 г. доля работающих по найму на постоянной основе среди вторично занятых составляла лишь 28%, доля работающих по найму на условиях трудового договора — около 42%, и доля самозанятых — 29% (см. табл. 3).

Однако есть основания полагать, что размеры вторичной занятости по результатам обследований столь сильно занижены, что вряд ли есть смысл всерьез их анализировать. Несмотря на введение в 2001 г. единой низкой ставки подоходного налога, население, как и в предыдущие годы, продолжает скрывать наличие дополнительных источников дохода, в том числе и в форме заработной платы.

Заметим, что здесь есть возможность для оценки степени занижения приведенных данных. Согласно ОНПЗ, численность наемных работников с постоянной вторичной занятостью составила в 2002 г. в несельскохозяйственном секторе 263 тыс. чел. При этом, по данным официальной отчетности, только на КСП несельскохозяйственного сектора число внешних совместителей составило 940 тыс. чел. Однако, согласно суще-

ствующей методике учета, эта численность является условной и рассчитывается пропорционально отработанному рабочему времени. Поскольку совместители работают не больше, чем на S ставки (а после введения в действие Трудового кодекса в 2002 г. — не более чем на 0,4 ставки), это означает, что их фактическая численность на КСП составляла не менее 2 млн. чел., т. е. была в 8 раз больше, чем оценка ОНПЗ для всей экономики. Исходя из этого можно с уверенностью утверждать, что в целом данные о дополнительной занятости в ОНПЗ занижены по крайней мере на порядок, т. е. фактически число вторично занятых составляет по меньшей мере 15—20% от численности занятых в несельскохозяйственном секторе.

Что касается собственно данных по КСП, то они также не дают возможность получить точные оценки вторичной занятости. Численность совместителей, как отмечалось, является расчетной величиной, оцениваемой пропорционально отработанному времени. Кроме того, какое-то число вторично занятых учитывается в категории работающих по договорам. В рамках БТР предполагается, что работающие на условиях первичной занятости составляют 20—30% от общей численности «договорников», соответственно, работающие по совместительству составляют 70—80% от численности работающих по договорам гражданско-правового характера⁶. Поэтому, предполагая, что все совместители работают на 0,4 ставки, а в числе «договорников» доля совместителей составляет 75%, общую численность совместителей на КСП в 2002 г. можно примерно оценить в 3 млн. чел., или 8,3% от численности работников списочного состава. Понятно, что поскольку многие совместители работают на 0,25 ставки и даже менее, фактическая численность совместителей только на КСП составляет по меньшей мере 10% от числа постоянных работников. Однако эти оценки являются достаточно условными и не дают возможность анализировать годовую динамику вторичной занятости в данном секторе.

Следует отметить, что несмотря на формальную негибкость (с точки зрения форм занятости) российского рынка труда, он характеризуется довольно высокой мобильностью. Агрегатным показателем мобильности является коэффициент валового оборота рабочей силы, который равен сумме коэффициентов найма и увольнения. Последние рассчитываются, соответственно, как отношение числа принятых и выбывших за год к среднегодовой численности работников. Данные такого рода имеются за длительный период по промышленности, а начиная с 1992 г. — по всем КСП (рис. 13).

⁶ Методологические положения по статистике. Вып. 1. М.: Госкомстат, 1996. С. 56.

Рисунок 13. Коэффициенты валового оборота рабочей силы, %

Согласно этим данным, мобильность рынка труда устойчиво снижалась на протяжении 1970-х гг. и первой половины 1980-х гг. С конца 1980-х она начала увеличиваться, в середине 1990-х гг. этот процесс приостановился, но с 1998 г. он возобновился ускоренными темпами. Уровень мобильности, измеряемый коэффициентом валового оборота рабочей силы, в России в настоящее время сопоставим по величине с показателями для многих стран ОЭСР.

2.2. Рабочее время

Применительно к затратам рабочего времени в российской статистике существуют два типа информации: данные о величине среднегодового рабочего времени на крупных и средних предприятиях (ранее — на предприятиях промышленности) и точечные данные ОНПЗ, относящиеся к определенным неделям года. Данные ОНПЗ о средней продолжительности рабочей недели превышают учетные данные по крупным и средним предприятиям на 15–16% (в 2002 г. — 38,4 часа по ОНПЗ против 33,2 часа по отчетности КСП), как из-за завышенной самооценки респондентов, так и из-за недоучета праздничных дней. Кроме того, эти данные и недостаточно хорошо улавливают погодные изменения.

Оба набора данных (отчетность КСП и ОНПЗ), в принципе, дают некоторую возможность оценить затраты рабочего времени не только занятых по основному месту работы, но также совместителей. Однако, по данным ОНПЗ,

превышение полной продолжительности рабочего времени (с учетом вторичной занятости) над временем на основной работе крайне невелико (в пределах 0,5–0,6% от рабочего времени на основной работе). Поэтому учет рабочего времени вторично занятых по ОНПЗ практически не влияет на оценки средней продолжительности рабочего времени на основе этого источника.

Что касается отчетности крупных и средних предприятий, то здесь учитывается рабочее время совместителей, и их условная численность рассчитывается пропорционально отработанному времени. Работаящие по договорам учитываются как целые единицы в течение срока действия договора. Предполагая, что среди работающих по договорам совместители составляют 75%, мы можем сделать условные оценки продолжительности рабочего времени на КСП несельскохозяйственного сектора с учетом дополнительной работы. По нашим оценкам, учет дополнительной занятости на КСП увеличивает среднюю продолжительность рабочего времени в расчете на одного занятого на 4–4,5%, причем это превышение постепенно увеличивалось в последние годы. Таким образом при учете дополнительной занятости общие затраты рабочего времени возрастали в последние годы быстрее, чем рабочее время, отработанное постоянно занятыми (работниками списочного состава).

Однако в силу некоторой нехватки информации в нашем анализе мы будем пользоваться данными о средней продолжительности рабочего времени работников списочного состава КСП. Эти данные не учитывают продолжительность рабочего времени на предприятиях иных типов, а также затраты времени совместителей на самих КСП, не говоря уже о всей экономике. Наконец, они относятся не столько к фактически отработанному времени, сколько к времени, которое должно было быть оплачено (с учетом существования в России задолженности по зарплате показатель количества рабочих часов нельзя трактовать как показатель оплаченного времени в строгом смысле). Однако, несмотря на все перечисленные ограничения, эти данные обеспечивают сопоставимую и надежную информацию во времени, в любом случае являющуюся более точной, чем данные ОНПЗ.

К сожалению, в отличие от показателей занятости, данные о средней продолжительности рабочего времени не могут служить объектом межстрановых сопоставлений. Соответствующее четкое предупреждение содержится в публикациях ОЭСР, в которых подчеркивается, что в каждой стране используется своя методика оценки рабочего времени, и эти данные могут сравниваться только во времени для каждой отдельной страны⁷.

В России продолжительность годового рабочего времени постепенно снижалась на протяжении 1970-х гг. и первой половины 1980-х гг. (рис. 14).

⁷ См., например: OECD Employment Outlook. P.: OECD, July 2002. P. 320.

В промышленности она сократилось с 1895 часов в 1970 г. до 1847 часов в 1983 г., т. е. уменьшилась на 48 часов или примерно 6 рабочих дней. Это было связано как с увеличением числа праздничных и отпускных дней, так и с ростом потерь рабочего времени из-за прогулов (по вине рабочих), простоев (по вине администрации предприятий) и отвлечения работников на различную общественную деятельность (по вине партийного руководства). В середине 1980-х гг. продолжительность годового рабочего времени удалось стабилизировать, а за 1987—1988 гг. она даже немного увеличилась — до 1855 часов (на 8 часов или один рабочий день). Однако начиная с 1989 г. процесс сокращения рабочего времени возобновился, причем с постепенным ускорением.

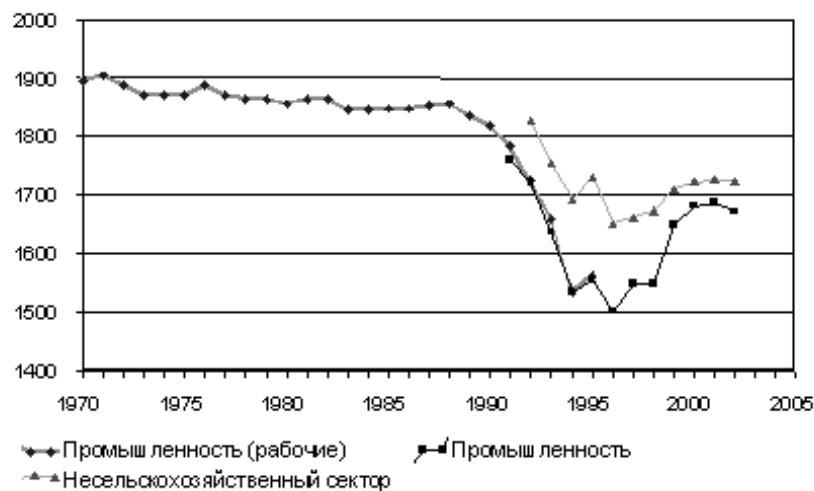

Рисунок 14. Средняя продолжительность годового рабочего времени, чел.-часы в год

За четыре года (1989—1992 гг.) среднегодовое рабочее время в промышленности сократилось на 132 часа (16 рабочих дней), за следующие четыре года (1993—1996 гг.) — еще на 221 час, или 27 рабочих дней. В итоге за восемь лет среднегодовая продолжительность рабочего времени в промышленности уменьшилась на 44 рабочих дня, или почти 9 рабочих недель. Почти столь же интенсивным было сокращение рабочего времени во всем несельскохозяйственном секторе: с 1819 часов в 1992 г. до 1662 часов в 1996 г., т. е. на 179 часов или примерно 22 рабочих дня в год.

Такое уменьшение продолжительности рабочего времени в значительной мере было связано с увеличением числа праздничных дней и продол-

жительности отпусков. Но не менее существенным фактором, обусловившим значительные изменения в продолжительности рабочего времени в 1990-е гг. стала вынужденная неполная занятость работников. Речь идет о рабочих, вынужденно работавших неполный рабочий день (неделю) по инициативе администрации или находившихся в так называемых административных отпусках (неоплачиваемых или оплачиваемых лишь частично). Вынужденная неполная занятость стала важным инструментом приспособления рынка труда к сокращению производства в ходе трансформационного кризиса. Она позволила, с одной стороны, сохранить кадровый потенциал, с другой — избежать массовых увольнений и роста безработицы. При этом работники все же получали некоторый минимум средств к существованию, а предприятия сокращали издержки на оплату рабочей силы.

Масштабы вынужденной неполной занятости возрастали на протяжении первой половины 1990-х гг., достигнув максимума в 1996 г. (см. табл. 4). Данные до 1996 г. охватывали не все отрасли, поэтому для обеспечения сопоставимости мы не приводим их в таблице, тем не менее общую тенденцию они демонстрировали вполне отчетливо. В 1996 г. благодаря режиму вынужденной неполной занятости у части работников (работавших сокращенный день/неделю и находившихся в административных отпусках) общий фонд рабочего времени на КСП был меньше нормального на 3,7 млрд. чел.-часов, т. е. в среднем на 78 часов на занятого (в расчете на всех работников списочного состава), или почти на 10 рабочих дней (две недели). Рассматриваемые нами данные относятся ко всем крупным и средним предприятиям, но для несельскохозяйственного сектора эти тенденции были выражены еще ярче, поскольку масштабы вынужденной неполной занятости в сельском и лесном хозяйстве были гораздо меньше, чем в несельскохозяйственных отраслях.

После 1996 г. средняя годовая продолжительность рабочего времени стала увеличиваться: на КСП несельскохозяйственного сектора она выросла за 1997—2001 гг. на 87 часов (почти 11 рабочих дней или более двух рабочих недель). В промышленности же средняя годовая продолжительность рабочего времени за эти годы увеличилась на 185 часов (23 рабочих дня или 1/2 рабочих недели). В 2002 г. средняя годовая продолжительность рабочего времени немного снизилась (на 3 часа в несельскохозяйственном секторе и на 15 часов в промышленности).

Увеличение рабочего времени в 1997—2001 гг. шло параллельно и во многом благодаря снижению масштабов вынужденной неполной занятости. По нашим оценкам, увеличение средней продолжительности рабочего времени в несельскохозяйственном секторе КСП в 1997—2001 гг. по меньшей мере на 80% было достигнуто именно за счет сокращения вынужден-

Таблица 4. Вынужденная неполная занятость* на крупных и средних предприятиях (все отрасли)

Годы	Численность неполностью занятых	Численность неполностью занятых в % от общей занятости	Количество не- отработанного времени	Неотработанно время на одного неполностью занятого	Неотработанное время на одного занятого	
					чел.-часы	чел.-дни
1996	н. д.	н. д.	3715,2	н. д.	78,1	9,8
1997	н. д.	н. д.	2514,8	н. д.	55,9	7,0
1998	9048	21,2	2282,0	252,2	53,3	6,7
1999	6053	14,4	1267,7	209,4	30,3	3,8
2000	3674	8,8	712,3	193,9	17,0	2,1
2001	3014	7,3	550,8	182,7	13,4	1,7
2002	3104	7,7	480,3	154,7	11,9	1,5

* Работавшие неполный рабочий день/неделю по инициативе администрации и находящиеся в полностью или частично неоплачиваемых административных отпусках.
Рассчитано по: данные Госкомстата.

ной неполной занятости, и не более чем на 20% — за счет увеличения обычной продолжительности рабочего времени всех работников. К 2002 г. вынужденное сокращение рабочего времени против нормального из-за неполной занятости составило лишь 12—13 часов из расчета на одного занятого на КСП, или 1,5 рабочих дня. Иными словами, за счет сокращения вынужденной неполной занятости средняя продолжительность рабочего времени одного работника в период с 1996 по 2002 гг. увеличилась на 66 часов в год или 8,3 рабочих дня. Впрочем, в промышленности масштабы «недоработки» из-за вынужденной неполной занятости все еще остаются довольно существенными: в 2002 г. они оценивались в 30 часов на одного работника списочного состава, или почти в четыре рабочих дня.

2.3. Выпуск и производительность труда

Данные о величине выпуска за 1990-е гг. достаточно полно представлены в официальной статистике национальных счетов. Естественно, что качество этих данных в начале 1990-х гг. было не слишком высоким, учитывая отсутствие информации, ориентированной на рыночную систему хозяйства. Постепенно, с улучшением качества исходной информации, улучшалось и качество системы национальных счетов, равно как и степень их детализации, и в последние годы эти данные представляются вполне удовлетворительными и достаточно точно отражающими происходящие в экономике изменения. Что касается национальных счетов за период до 1992 г., то они, естественно, имеют весьма условный характер, поскольку система СНС в принципе ориентирована на рыночную экономику (в том числе основана на гипотезе о существовании рыночных цен). Тем не менее, несмотря на свою условность, данные о динамике российского ВВП и его компонентов в советский период представляют несомненный интерес с точки зрения анализа долговременных тенденций⁸.

Согласно имеющейся информации, валовая добавленная стоимость в несельскохозяйственном секторе российской экономики в сопоставимых ценах сократилась с 1989 по 1998 г. на 43%, а за 1999—2002 гг. она выросла на 27%. Валовая добавленная стоимость в промышленности в сопоставимых ценах сократилась с 1989 по 1998 г. на 53%, за 1999—2002 гг. она увеличилась на 33%. Формально объем добавленной стоимости, произведенной в России в 2002 г., все еще был существенно меньше, чем в 1989 г. — в несельскохозяйственном секторе на 28%, в промышленности — на 36% (рис. 15).

⁸ См.: Пономаренко А. Н. Ретроспективные национальные счета России, 1961—1990. М.: Финансы и статистика, 2002.

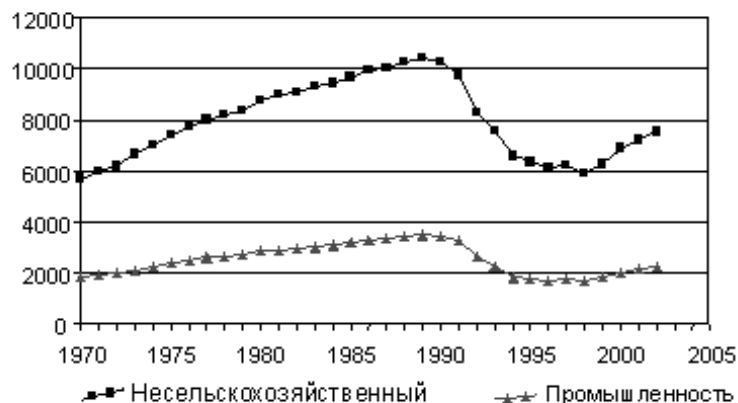

Рисунок 15. Валовая добавленная стоимость в постоянных ценах (млрд. руб., 2000 г.)

Такое сравнение, впрочем, не слишком корректно в силу радикального изменения состава продукции, прежде всего в производстве товаров. Существенная часть товаров, производившихся в советской экономике, вообще не нужна в рыночной системе хозяйства, в основном открытой для международной конкуренции и с разумным уровнем военных расходов. К сожалению, отделить товары такого рода от тех, которые остаются востребованными в рыночных условиях, в том числе по соображениям качества и конкурентоспособности, не представляется возможным. Поэтому в некотором смысле гораздо более точное представление о динамике выпуска в 1990-е гг. дают данные об изменении производства услуг, где доля «отмерших» видов услуг была гораздо меньше, чем в производстве товаров.

Валовая добавленная стоимость в производстве услуг сократилась с 1990 по 1998 г. на 20%, а за 1999—2002 гг. она увеличилась на 19%. В результате в 2002 г. объем производства добавленной стоимости в этом секторе был лишь на 4% меньше, чем в 1990 г. Ясно, что в 2003 г. этот рубеж будет перейден. В то же время отсутствие международной конкуренции в этой сфере, как мы увидим ниже, среди ряда других факторов сдерживает рост производительности труда в производстве услуг, по крайней мере в ряде отраслей этого сектора.

На основе предшествующего анализа мы можем перейти к рассмотрению динамики часовой производительности труда. При оценке совокупного рабочего времени мы используем данные о численности занятых по БТР, а данные о среднем рабочем времени на одного занятого — по круп-

ным и средним предприятиям. Это может приводить к определенным искажениям, но такая комбинация исходных данных представляется нам наиболее точной в рамках существующей информации. Динамика часовой производительности труда в несельскохозяйственном секторе и в промышленности представлена на рис. 16.

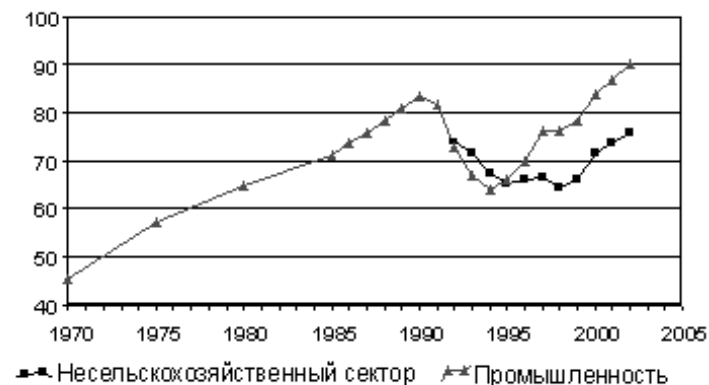

Рисунок 16. Часовая производительность труда (руб., 2000 г., чел.-час)

Согласно нашим оценкам, темпы прироста часовой производительности труда в промышленности постепенно снижались на протяжении 1970-х — первой половины 1980-х гг., с 4,8% в год в 1971—1975 гг. до 1,9% в год в 1981—1985 гг. (табл. 5). При этом за счет роста производительности труда обеспечивалось в среднем около 80% роста производства. Во второй половине 1980-х гг. темпы прироста производительности удалось поднять до 3,3% в год, и рост производительности в промышленности опережал рост выпуска (т. к. в этот период стали сокращаться затраты рабочего времени). В начале 1990-х гг. производительность труда начала уменьшаться, и за 1991—1994 гг. она снизилась на 23%. Но уже в 1995 г. производительность труда в этой отрасли начала расти, и за 1995—2002 гг. она увеличилась на 41%. В результате уже в 2000 г. производительность труда в промышленности превысила максимальный уровень, достигнутый в советское время.

Что касается производительности труда во всем несельскохозяйственном секторе, то ее можно оценить только с 1992 г. Производительность труда в этом секторе сократилась за 1993—1996 гг. на 10%, после чего оставалась на примерно постоянном уровне вплоть до 1998 г. За 1999—2002 гг. производительность труда в несельскохозяйственном секторе выросла на 17% и уже в 2001 г. достигла уровня 1992 г. Есть основания полагать, что в

Таблица 5. Среднегодовые темпы прироста производительности труда и определяющих ее факторов, %

Периоды	Занятость	Часы в год	Фонд рабочего времени	Выпуск	Производительность труда	Эффект 2-го порядка	Коэффициент эффективности роста*, %
Промышленность							
1971—1975	1,1	-0,3	0,9	5,7	4,8	0,0	84
1976—1980	1,2	-0,2	1,0	3,5	2,4	0,0	70
1981—1985	0,3	-0,1	0,2	2,1	1,9	0,0	90
1986—1989	-0,7	-0,2	-0,9	2,4	3,3	0,0	135
1999	1,0	6,5	7,5	10,2	2,6	0,2	26
2000	1,7	1,9	3,7	11,1	7,2	0,3	66
2001	1,0	0,3	1,3	4,9	3,5	0,0	73
2002	0,5	-0,9	-0,4	3,7	4,1	0,0	110
1999—2002	1,1	1,9	3,0	7,4	4,3	0,1	59
Несельскохозяйственный сектор							
1999	0,7	2,2	2,9	5,8	2,8	0,1	49
2000	0,9	0,7	1,6	9,9	8,1	0,1	83
2001	1,4	0,2	1,6	4,7	3,0	0,0	65
2002	2,1	-0,2	2,0	4,5	2,5	0,0	56
1999—2002	1,3	0,7	2,0	6,2	4,1	0,1	67

* Вклад увеличения производительности труда в экономический рост. Рассчитано по: данные Госкомстата.

2003—2004 гг. и в этом секторе уровень производительности превысит максимальные показатели советского периода. Вообще говоря, этот факт не должен вызывать удивления: было бы странно, если бы производительность труда в рыночной экономике была ниже, чем в социалистическом плановом хозяйстве, в котором низкая производительность всегда была притчей во языцех. Поэтому в следующем разделе мы попытаемся дать ответ на вопрос, почему производительность труда в масштабах всей экономики остается все еще столь низкой.

3. ОТРАСЛЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ В НЕСЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ СЕКТОРЕ

В качестве объекта исследования мы выделяем три субсектора несельскохозяйственной экономики, по которым имеется сопоставимый набор данных по занятости, рабочему времени и производству добавленной стоимости: 1) производство несельскохозяйственных товаров (промышленность, строительство), 2) производство рыночных услуг (торговля, связь, транспорт, финансы) и 3) производство квазирыночных услуг (ЖКХ, наука, здравоохранение, культура, образование, управление и прочие отрасли).

Используемая нами структура не совпадает с применяемым в СНС разделением добавленной стоимости на производство товаров, рыночных услуг и нерыночных услуг. Из производства товаров мы исключаем сельское и лесное хозяйство (этот сектор мы рассмотрим отдельно в заключительном параграфе). Что касается разделения рыночных и нерыночных услуг, то в силу ограниченности трудовой статистики, мы вынуждены оперировать «целыми» отраслями, в отличие от СНС, где отрасли делятся на рыночную и нерыночную части. В нашем случае в производство рыночных услуг мы включаем только полностью рыночные отрасли, а в производство квазирыночных услуг — все отрасли, в которых есть хотя бы какая-то нерыночная часть.

В целом доля собственно нерыночных услуг в общем объеме добавленной стоимости сектора «квази-рыночных услуг» составляла в 2001 г. по предварительным оценкам, менее 40%. При этом рассматриваемая доля существенно варьировалась по отраслям: 14% — в «науке и научном обслуживании», 26% — в «жилищном хозяйстве» и, за счет него — 12% в агрегированной отрасли «жилищно-коммунальное хозяйство и непромышленные виды бытового обслуживания», 41% — в «культуре и искусстве», 67% — в «здравоохранении, физической культуре и социальном страховании» (включающей также туристические услуги), 81% — в «образовании»,

100% — в «государственном управлении и обороне». Но с точки зрения эффективности, все эти отрасли находятся примерно в одинаковом состоянии. Как мы покажем ниже, именно они оказывают негативное воздействие как на уровень, так и на динамику производительности труда в сельскохозяйственном секторе экономики.

Далее, опять таки в силу информационных ограничений, мы разделяем квазирыночный сектор по производству услуг на две части: квазирыночные услуги-1 (ЖКХ, наука, здравоохранение, культура, образование) и квази-рыночные услуги-2 (управление, оборона и прочие отрасли, включая общественные организации). С содержательной точки зрения эти сектора однотипны, но полный набор информации, необходимой для оценки часовой производительности труда, имеется только по первому субсектору, а по второму существуют оценки только некоторых показателей, которые мы будем приводить в соответствующих разделах.

3.1. Занятость и рабочее время

Выше мы уже писали о том, что с точки зрения задач нашего исследования данные БТР точнее отражают динамику занятости, чем данные ОНПЗ. Недостатки ОНПЗ оказываются еще более существенными при переходе к отраслевым показателям. Как показывает практика, респонденты ОНПЗ, во-первых, не в состоянии определить отраслевую принадлежность своего места работы в соответствии с достаточно сложной (и, заметим, абсолютно устаревшей) отраслевой классификацией по ОКОНХ, используемой при расчетах объема производства. Кроме того, на ответы работающих респондентов о своей «отраслевой принадлежности» в существенной мере влияют статусные соображения, т. е. степень субъективной «престижности» той или иной деятельности. На расхождения в оценках ОНПЗ и БТР влияет также то обстоятельство, что данные ОНПЗ включают военнослужащих, которые, видимо, в основном приписаны к управлению, но также могут числиться и по другим отраслям (табл. 6).

Понятно, что используемый нами Общесоюзный классификатор отраслей народного хозяйства (ОКОНХ) — это абсолютно архаичная классификация, не соответствующая рыночной системе хозяйства, в том числе потому, что в ней используются неадекватные агрегаты. Например, агрегат «здравоохранение, физическая культура, социальное обеспечение» включает туризм. В рамках одного агрегата оказываются совмещены жилищное хозяйство и отдельные виды чисто рыночных услуг (т. н. «непроизводственные виды бытового обслуживания населения»). Однако пока мы не можем пользоваться более прогрессивными классификациями (например, уже применяемой в ОНПЗ классификацией ОКВЭД), т. к. стати-

Таблица 6. Численность и структура занятых по отраслям ОКОНХ, 2002 г.*

Отрасли	Численность, млн чел.		Структура, %		
	БТР	ОНПЗ	Разность	БТР	ОНПЗ
Всего	65,7	66,1	-0,4	100,0	100,0
Сельское и лесное хозяйство	7,9	7,3	0,7	12,1	11,0
Несельскохозяйственный сектор	57,7	58,8	-1,1	87,9	89,0
Несельскохозяйственные товары	19,9	20,8	-0,9	30,3	31,5
Промышленность	14,8	16,7	-1,9	22,5	25,2
Строительство	5,1	4,2	1,0	7,8	6,3
Рыночные услуги	16,4	16,3	0,1	25,0	24,7
Торговля и общепит	10,5	9,6	0,8	15,9	14,6
Связь	0,9	1,0	-0,1	1,4	1,5
Транспорт	4,2	4,9	-0,7	6,4	7,4
Финансы	0,8	0,9	0,0	1,2	1,3
Квазирыночные услуги-1	16,3	15,7	0,6	24,8	23,7
ЖКХ и бытовое обслуживание	3,3	3,3	0,0	5,0	5,0
Наука	1,2	0,9	0,3	1,8	1,4
Здравоохранение, физкультура и собес	4,6	4,6	0,0	7,1	7,0
Культура и искусство	1,2	1,0	0,2	1,8	1,5
Образование	5,9	5,9	0,1	9,1	8,9
Квазирыночные услуги-2	5,1	5,9	-0,8	7,8	9,0
Управление (и оборона)	2,9	4,5	-1,6	4,5	6,8
Прочие отрасли	2,2	1,5	0,7	3,3	2,2

* Возможны расхождения по строкам и столбцам за счет округлений. Рассчитано по: данные Госкомстата.

стика производства до настоящего момента была построена по ОКОНХ⁹. В то же время отраслевые показатели в рамках ОКОНХ целесообразно анализировать лишь начиная с 1998 г., поскольку до этого несколько раз производились значительные изменения в классификации, точнее, в группировке отраслей.

Переходя к анализу отраслевой занятости отметим, что три выделенные нами сектора (несельскохозяйственные товары, рыночные услуги и квазирыночные услуги) и входящие в них отрасли характеризовались весьма разной динамикой занятости. В 1999—2002 гг. в производстве несельскохозяйственных товаров и рыночных услуг занятость увеличивалась, в производстве квазирыночных услуг — сокращалась (табл. 7). Как мы увидим ниже, эти изменения в структуре занятости можно трактовать как эффективные, поскольку сдвиг происходил в пользу секторов с более высокой производительностью труда, что способствовало росту общей производительности.

С точки зрения типов предприятий изменения в структуре занятости также радикально отличались в рыночных и нерыночных секторах. В производстве несельскохозяйственных товаров и рыночных услуг быстро сокращалась занятость на крупных и средних предприятиях, т. е. весь прирост занятости приходился на мелкие, совместные и иностранные предприятия. Соответственно, в этих секторах сокращалась доля занятых на КСП в общей численности занятых. В производстве квазирыночных услуг, наоборот, росла занятость на КСП и снижалась занятость на предприятиях других типов. В результате и без того высокая доля занятых на КСП в этом секторе в последние годы увеличивалась.

Средняя продолжительность рабочего времени увеличивалась во всех секторах в 1999—2002 гг. Однако в 2002 г. рабочее время в рыночных секторах сократилось, а в производстве квазирыночных услуг продолжало расти, что способствовало увеличению затрат труда и снижению производительности. В результате в секторе квазирыночных услуг в 2002 г. среднегодовая продолжительность рабочего времени была уж существенно выше, чем в рыночных секторах, производящих товары и услуги (табл. 8).

⁹ Впрочем, некоторые агрегаты ОКВЭД, на которую в настоящее время переходит система статистического учета, тоже выглядят неадекватно применительно к развитой экономике, поскольку лежащая в основе ОКВЭД международная отраслевая классификация создана достаточно давно и была во многом ориентирована на развивающиеся страны. В результате, например, научные исследования объединяются вместе с операциями с недвижимым имуществом в рамках раздела К: «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг». (см.: <http://www.gks.ru/scripts/free/1c.exe?XXXX66R.1>).

Таблица 7. Численность занятых в несельскохозяйственном секторе по данным БТР, млн. чел.

Отрасли	1998	1999	2000	2001	2002	Прирост 2002 г. в % к 1998 г.
Все предприятия						
Всего	54,8	55,2	55,7	56,5	57,7	2,9
Несельскохозяйственные товары	19,3	19,4	19,5	19,7	19,9	0,7
Рыночные услуги	14,9	15,0	15,2	15,8	16,4	1,5
Квазирыночные услуги-1	16,2	16,1	16,0	16,0	16,3	0,1
Квазирыночные услуги-2	4,5	4,7	5,0	5,0	5,1	0,6
КСП						
Всего	37,0	36,4	36,6	36,4	36,3	-0,7
Несельскохозяйственные товары	14,3	13,8	13,9	13,8	13,3	-1,0
Рыночные услуги	6,7	6,3	6,2	6,1	6,1	-0,5
Квазирыночные услуги-1	13,7	13,9	13,9	13,8	14,0	0,2
Квазирыночные услуги-2	2,4	2,5	2,5	2,8	2,9	0,5
Прочие предприятия						
Всего	17,8	18,8	19,1	20,1	21,4	3,6
Несельскохозяйственные товары	5,0	5,6	5,6	5,9	6,6	1,6
Рыночные услуги	8,2	8,7	8,9	9,7	10,3	2,1
Квазирыночные услуги-1	2,5	2,3	2,1	2,2	2,3	-0,2
Квазирыночные услуги-2	2,1	2,3	2,5	2,2	2,2	0,1
Доля КСП, %						
Всего	67,5	65,9	65,7	64,5	62,9	-4,6*
Несельскохозяйственные товары	74,2	71,0	71,3	69,9	66,8	-7,4*
Рыночные услуги	44,7	42,2	41,1	38,4	37,3	-7,4*
Квазирыночные услуги-1	84,7	85,9	86,9	86,1	85,8	1,1*
Квазирыночные услуги-2	52,9	52,0	49,9	56,3	57,2	4,2*

*Проц. пункты. Рассчитано по: данные Госкомстата.

Таблица 8. Среднегодовое количество рабочих часов на одного списочного работника КСП несельскохозяйственного сектора, чел.-часы в год.

Годы	Весь сектор	Несельскохозяйственные товары	Рыночные услуги	Квази рыночные услуги-1
1998	1674	1572	1717	1732
1999	1711	1659	1761	1743
2000	1723	1695	1767	1758
2001	1727	1702	1774	1757
2002	1724	1678	1738	1761
Прирост 2002 г. в % к 1998 г.	50	105	20	29
	103,0	106,7	101,2	101,7

Рассчитано по: данные Госкомстата.

3.2. Выпуск и производительность труда

На фоне наблюдаемого в последние годы быстрого роста выпуска в рыночных секторах экономики, бросается в глаза практическое отсутствие экономического роста в секторе квазирыночных услуг (табл. 9). При этом, конечно, следует иметь в виду особенность оценки выпуска в данном секторе: добавленная стоимость здесь почти полностью состоит из оплаты труда. Поэтому отсутствие роста выпуска в какой-то мере отражает относительно небольшое реальное увеличение оплаты труда в этом секторе экономики. В тех же случаях, когда в отрасли, помимо заработной платы, добавленная стоимость включает и валовую прибыль, как, например, в ЖКХ и науке, эта прибыль оказывается отрицательной, что также свидетельствует о неэффективности этих отраслей.

В итоге мы имеем достаточно безрадостную картину степени эффективности сектора, производящего квазирыночные услуги. Производительность труда в производстве несельскохозяйственных товаров и рыночных услуг оказываются примерно равной, в то время как в производстве квази-рыночных услуг производительность труда оказывается в четыре раза ниже, чем в рыночных секторах (рис. 17). Что еще более существенно, производительность труда в квазирыночном секторе не только низка, но и не увеличивается, в отличие от рыночных секторов (детализированная статистика СНС за 2002 г. пока отсутствует, но она не изменит общую картину).

Таблица 9. Производство валовой добавленной стоимости в несельскохозяйственном секторе в постоянных ценах, млрд. руб., 2000 г.

Годы	Весь сектор	Несельскохозяйственные товары	Рыночные услуги	Квази рыночные услуги-1
1998	5334	2038	1999	546
1999	5607	2241	2021	542
2000	6103	2478	2211	553
2001	6368	2621	2297	562
2002	6670	2713	н.д.	н.д.
2001 г. в % к 1998 г.	103,0	106,7	101,2	101,7

Рассчитано по: данные Госкомстата.

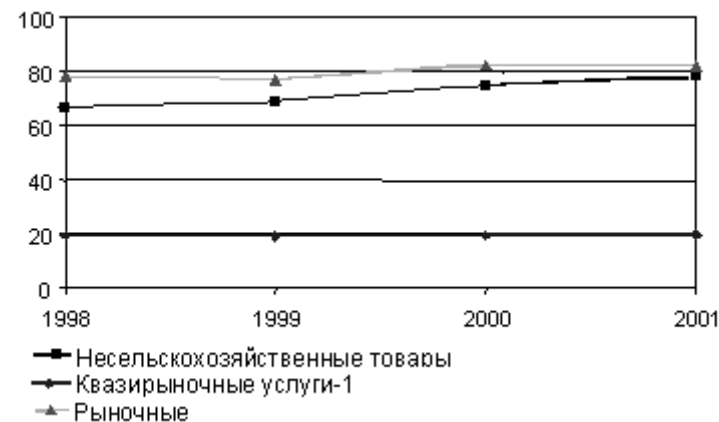

Рисунок 17. Часовая производительность труда по секторам несельскохозяйственной экономики, руб., 2000 г., чел.-час

Неблагоприятная ситуация с производительностью труда наблюдается во всех отраслях, производящих квази-рыночные услуги. Чуть лучше положение в ЖКХ и науке, но и здесь производительность намного ниже, чем в любой рыночной отрасли (рис. 18).

В результате можно сделать однозначный вывод, что в настоящее время наименее эффективной частью несельскохозяйственного сектора экономики являются отрасли, производящие квазирыночные услуги. Именно

они «ответственны» как за относительно низкий уровень производительности труда в несельскохозяйственном секторе в целом, так и за недостаточно высокие темпы роста производительности на макроуровне. Это еще раз подтверждает настоятельную необходимость проведения реформ в жилищно-коммунальном хозяйстве, но также и в науке, здравоохранении и образовании.

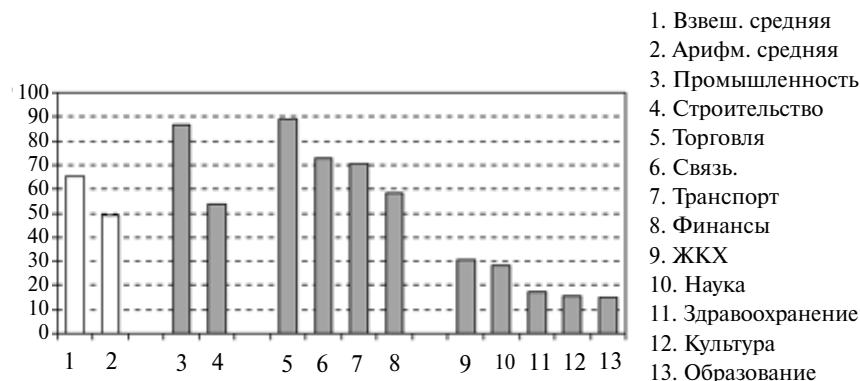

Рисунок 18. Часовая производительность труда по отраслям несельскохозяйственного сектора в 2001 г. (руб. 2000 г./чел.-час)

4. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

До сих пор мы выводили сельское хозяйство за рамки нашего анализа, теперь же настало время специально остановиться на функционировании рабочей силы в этом секторе. Заметим, что поскольку затраты труда в сельском хозяйстве (равно как и объем выпуска) имеют необычайно сильно выраженный сезонный характер и весьма специфичным образом распределены по месяцам года, в данном разделе мы будем пользоваться не среднегодовыми данными (для ОНПЗ — средними из четырех ежеквартальных недельных наблюдений), как в предыдущих разделах, а точечными оценками, относящимися к пику сельскохозяйственной активности (данные обследований за последнюю неделю августа). Дело в том, что средние показатели по четырем недельным наблюдениям в рамках ОНПЗ (последние недели февраля, мая, августа и ноября) дают смещенное представление о суммарных и, соответственно, среднегодовых затратах труда в сельском хозяйстве, в отличие от других секторов, где сезонные помесечные изменения выражены не столь сильно. Поэтому представленные в данном разделе точечные оценки

несколько завышают размеры затрат труда в сельском хозяйстве, но позволяют ярче выделить существующие в этой сфере проблемы.

Из данных, приведенных в табл. 10, сразу становится очевидно, почему при анализе рынка труда сельское хозяйство должно быть выделено в качестве самостоятельного объекта исследования. Прежде всего, включение сельского хозяйства в агрегатный анализ существенно искажает общие характеристики рынка труда. Это относится, в частности, к таким формам занятости, как самостоятельная и дополнительная занятость. Среди самостоятельно занятых, по данным ОНПЗ, на сельское хозяйство приходится 51% их численности, а во вторичной занятости доля сельского хозяйства составляет 71%.

Но главное, что отличает российское сельское хозяйство от всех остальных секторов экономики — это наличие нерыночной деятельности, т. е. работа в так называемых «личных подсобных хозяйствах». В ОНПЗ эта деятельность именуется как «производство в домашнем хозяйстве продукции собственного конечного потребления». Напомним, что лица, производящие такую продукцию с целью реализации, с 1999 г. включаются в число занятых в рыночном секторе. Отметим также, что в рамках обследований речь идет именно о работе по производству продукции для потребления, а не о выращивании, например, цветов на даче для удовольствия. Конечно, идентификация этой деятельности именно как работы по производству продукции зависит от самих респондентов, но субъективное различие между работой и отдыхом проводится здесь достаточно четко.

Нерыночной сельскохозяйственной деятельностью в аграрный сезон 2002 г. в стране занималось 36 млн. чел., или 33% населения в возрасте 15—72 года. С учетом нерыночной деятельности, в целом в сельском хозяйстве в аграрный сезон работало 28% всех работников (по основному месту работы), а с учетом вторичной занятости на него приходилось 48% всех рабочих мест. При этом в рамках самого сельского хозяйства на вторичную занятость (рыночную и нерыночную) приходится почти 50% всех рабочих мест в этом секторе, в то время как в несельскохозяйственном секторе — 1,4% рабочих мест.

Конечно, нерыночную деятельность в сельском хозяйстве, в соответствии с определением занятости, принятым МОТ, можно было бы игнорировать, поскольку по этому определению лица, занимающиеся такой деятельностью, не относятся к занятым. Однако в процессе этой деятельности производится продукция, которая затем потребляется населением. Эта продукция учитывается в составе конечного потребления домохозяйств в системе национальных счетов (СНС). Точно так же эта продукция учитывается в объемах производства продукции и добавленной стоимости сельского хозяйства как отрасли экономики.

Таблица 10. Занятость по секторам экономики и типам рабочих мест, август 2002 г.

Показатель	Численность, млн.		Доля сельского хозяйства в общей численности, %	Структура рабочих мест, %		
	Всего	Несельскохозяйственный сектор		Сельское и лесное хозяйство	Всего	Несельскохозяйственный сектор
Рабочие места	106,7	60,5	43,3	100,0	100,0	100,0
Рыночные рабочие места	70,5	60,5	14,2	66,1	100,0	21,7
Основная работа	67,5	59,6	11,6	63,3	98,6	17,0
Наемные работники	61,9	56,9	8,1	58,0	94,1	10,8
Самостоятельно занятые	5,6	2,7	51,3	5,2	4,5	6,2
Дополнительная работа	3,0	0,9	71,3	2,8	1,4	4,7
Нерыночные рабочие места	36,2	0,0	100,0	33,9	0,0	78,3
Основная работа	15,4	0,0	100,0	14,5	0,0	33,4
Дополнительная работа	20,8	0,0	100,0	19,4	0,0	44,9
Основная работа	82,9	59,6	28,1	77,7	98,6	50,4
Дополнительная работа	23,8	0,9	15,2	22,3	1,4	49,6

Рассчитано по: ОНПЗ, август 2002.

Прежде чем перейти к оценке затрат труда и результатов деятельности в сельском хозяйстве, т. е. эффективности труда в этом секторе, рассмотрим некоторые структурные характеристики занятых сельскохозяйственными работами. В отличие от предшествующих разделов, где мы оперировали показателями численности занятых и уровня занятости (в процентах от численности населения), в данном разделе мы в основном используем показатель численности рабочих мест. Дело в том, что в сельскохозяйственной деятельности участвует значительное число лиц, которые заняты на основной работе в несельскохозяйственном секторе. Кроме того, почти все лица, занятые в сельском хозяйстве рыночной деятельностью в общественном производстве, одновременно участвуют во вторичной рыночной аграрной деятельности. Поэтому мы не можем точно сказать, какой именно процент населения участвует в сельскохозяйственной деятельности в целом. По нашей примерной оценке, эта цифра составляет порядка 37–38% населения.

Мужчины и женщины вовлечены в сельскохозяйственную деятельность примерно в равной мере, в аграрный сезон доля сельскохозяйственных рабочих мест в общей численности рабочих мест, замещенных в экономике, составляет около 45% (рис. 19). Но женщины в гораздо большей степени вовлечены в нерыночную аграрную деятельность (особенно первичную), чем мужчины.

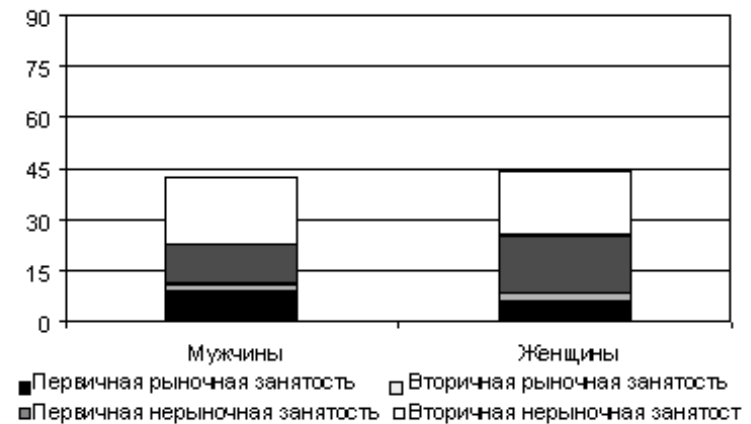

Рисунок 19. Доля сельского хозяйства в общем числе рабочих мест по полу, август 2002 г., %

Еще более существенные различия наблюдаются в возрастных характеристиках сельскохозяйственной деятельности (к сожалению, здесь отсутствуют данные о вторичной рыночной сельскохозяйственной занятости). В младшей (15—19 лет) и старшей (60—72 года) возрастных группах, фактически выпадающих из сферы обычной рыночной занятости, сельскохозяйственная деятельность весьма широко распространена, особенно первичная нерыночная (рис. 20). В результате в этих возрастных группах участие в сельскохозяйственном производстве, прежде всего в первичном нерыночном, является абсолютно доминирующей формой экономической деятельности в той мере, в которой молодежь и лица пожилого возраста в ней вообще участвуют. В свою очередь среди лиц средних возрастов, особенно в возрасте 30—59 лет, широко распространена вторичная нерыночная деятельность в сельскохозяйственном производстве, на которую приходится почти 1/4 всех рабочих мест, замещаемых представителями этих возрастных групп.

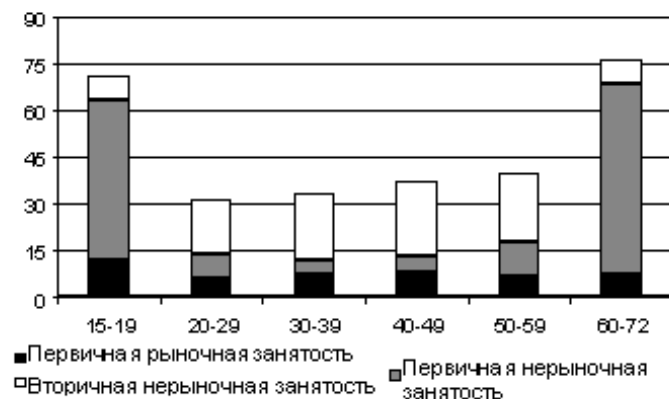

Рисунок 20. Доля сельского хозяйства в общем числе рабочих мест по возрастным группам, август 2002 г., %

Понятно, что сельскохозяйственной деятельностью в первую очередь занимаются лица, проживающие в сельской местности. На сельскохозяйственную деятельность приходится почти 75% всех рабочих мест, замещаемых сельскими жителями, и только 30% среди рабочих мест, замещаемых горожанами (рис. 21). Однако для вторичной нерыночной занятости различия между «горожанами» и «селянами» не столь велики. На этот вид сельскохозяйственной деятельности приходится 18% рабочих мест, замещаемых жителями городов, и 23% рабочих мест, замещаемых сельскими

жителями. Не столь велики различия в уровнях такой активности и относительно численности населения: среди городского населения доля лиц, занимающихся вторичной нерыночной сельскохозяйственной деятельностью, составляет 16%, среди сельского — 28%.

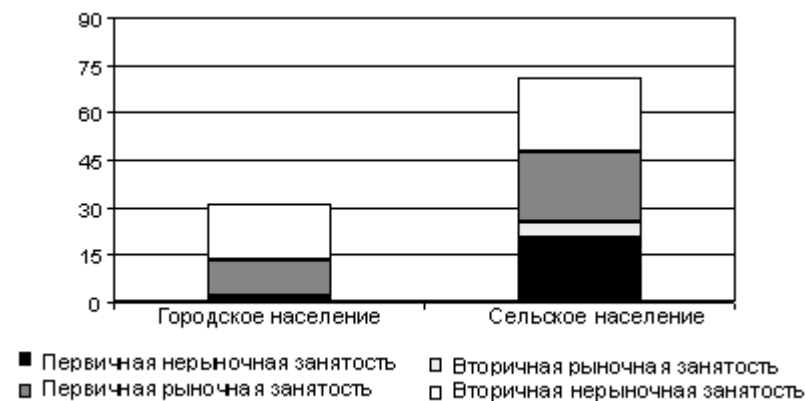

Рисунок 21. Доля сельского хозяйства в общем числе рабочих мест по типу поселения, август 2002 г., %

Наиболее примечательны различия в степени вовлеченности в сельскохозяйственную деятельность по уровню образования. К сожалению, здесь мы также не располагаем данными о вторичной рыночной сельскохозяйственной занятости, а данные по нерыночным видам сельскохозяйственной деятельности имеются только за 2000 г. Тем не менее имеющаяся информация дает весьма наглядную картину прямой связи уровня образования со степенью участия в аграрной деятельности (рис. 22). Среди рабочих мест, замещенных лицами с высшим образованием, только 15% приходится на сельскохозяйственную деятельность, а среди лиц с начальным образованием и без образования — 80% замещенных ими рабочих мест. Вопрос о направлении рассматриваемой зависимости требует дальнейшего исследования: идет ли речь о том, что лица с более высоким уровнем образования менее склонны к занятиям сельским хозяйством, или что лица, занимающиеся сельским хозяйством, менее склонны к получению образования.

При этом различия в степени вовлеченности во вторичную нерыночную аграрную деятельность (т. е. работу в личных приусадебных хозяйствах в свободное от основной работы время) относительно невелики между группами населения с разными уровнями образования. У лиц с высшим

* Включая неполное высшее.

Рисунок 22. Доля сельского хозяйства в общем числе рабочих мест по типам образования, август 2000 г., %

профессиональным образованием на такую деятельность приходится 8% замещенных этой группой рабочих мест, во всех остальных группах (кроме лиц с начальным образованием) — 11—13% замещенных рабочих мест. Относительно численности населения различия также невелики: доля лиц, вовлеченных во вторичную нерыночную аграрную деятельность, составляет 6—8% населения с высшим профессиональным и основным общим образованием и 10—12% — среди лиц со средним профессиональным, начальным профессиональным и полным общим образованием. Напомним, впрочем, что эти данные относятся к 2000 г., когда общий уровень вовлеченности в нерыночную сельскохозяйственную деятельность из-за применения другой методики обследования оценивался существенно ниже, чем в 2001—2002 гг.

Затраты рабочего времени на нерыночную сельскохозяйственную деятельность составляют весьма значительную величину, по крайней мере в аграрный сезон. К сожалению, как отмечалось выше, имеющаяся информация не позволяет оценить суммарные годовые затраты рабочего времени, связанные с деятельностью такого рода, поэтому мы снова вынуждены ограничиться точечными оценками, отчасти имеющими иллюстративный характер.

В аграрный сезон на сельскохозяйственную деятельность приходится 30% всего рабочего времени в стране (табл. 11). Две трети рабочего времени, расходуемого в сельском хозяйстве, приходятся на нерыночную деятель-

ность (первичную и вторичную), соответственно, нерыночные затраты труда составляют 20% всех затрат рабочего времени в экономике. Лица, занятые нерыночным сельскохозяйственным трудом, тратят на него немного меньше 20 часов в неделю (к сожалению, здесь мы не можем разделить затраты рабочего времени на первичную и вторичную нерыночную деятельность).

Следует заметить, что нерыночный аграрный труд является наследием советских и даже царских времен, а отнюдь не порожден рыночными реформами. Более того, начиная с 1960-х гг., т. е. после начала раздачи населению садовых участков, в нерыночную аграрную деятельность оказалось вовлечено не только сельское, но и городское население, в том числе занятое в экономике, чего не существовало ни в царское время, ни в первые десятилетия советской власти. В последнее десятилетие масштабы нерыночного аграрного труда изменились несущественно по сравнению с советскими временами. К сожалению, мы не имеем возможности оценить динамику затрат нерыночного аграрного труда абсолютно точно, но сравнения на уровне порядка величин сделать можно.

В советские времена проводились обследования бюджетов рабочего времени занятого населения. Последнее такое обследование было проведено в марте 1990 г., и на основе этих данных можно рассчитать, что в обследуемый период средние затраты вторичного нерыночного аграрного труда (тогда это называлось «затраты времени в личном подсобном хозяйстве и на приусадебном хозяйстве») составили 2,8 чел.-часа в неделю на одного занятого в общественном производстве, в том числе 2,3 чел.-часа на одного занятого в городе и 10,9 чел.-часа на одного занятого в сельской местности¹⁰.

К сожалению, теперь ОНПЗ проводятся в другие месяцы года (а когда они проводились в марте, т. е. в 1995 и 1996 г., в них не было вопроса о рабочем времени), поэтому прямые сопоставления невозможны в силу сильно выраженной сезонности данного вида работ. Кроме того, в ОНПЗ не публикуются раздельно данные о затратах времени на основную и дополнительную работу в нерыночном секторе. Тем не менее, по нашим оценкам, относительно сопоставимый показатель затрат рабочего времени на вторичную нерыночную деятельность в аграрном секторе в расчете на одного занятого в рыночном секторе составил в феврале 2001 г. 1,2 чел.-часа, в мае 2001 г. — 3,9 чел.-часа, т. е. порядок величин сопоставим с указанным показателем марта 1990 г. (2,8 чел.-часа).

¹⁰ Данные обследования бюджетов времени в марте 1990 г. опубликованы в: Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. М.: Госкомстат РСФСР, 1991, С. 122. Численность занятых по месту поселения и полу рассчитана по: Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. М.: Госкомстат РСФСР, 1991, С. 109, 110; Народное хозяйство Российской Федерации, 1992. М.: Госкомстат России, 1992, С. 123.

Таблица 11. Недельное количество отработанного времени, август 2002 г.

Показатели	Все рабочие места	Рыночные рабочие места	в том числе:		Нерыночные рабочие места
			Основные	Дополнительные	
Отработанное время, млн чел.-часов в неделю					
Вся экономика	3202,3	2576,9	2525,0	52,0	625,4
Несельскохозяйственный сектор	2249,3	2249,3	2238,0	11,3	0,0
Сельское хозяйство	953,0	327,7	287,0	40,7	625,4
Доля сельского хозяйства	29,8	12,7	11,4	78,3	100,0
Структура отработанного времени по типам рабочих мест, %					
Вся экономика	100,0	80,5	78,8	1,6	19,5
Несельскохозяйственный сектор	100,0	100,0	99,5	0,5	0,0
Сельское хозяйство	100,0	34,4	30,1	4,3	65,6
Средняя продолжительность рабочей недели на рабочем месте, чел.-часы					
Вся экономика	30,0	38,2	37,4	17,1	17,3
Несельскохозяйственный сектор	37,2	37,7	37,5	12,9	0,0
Сельское хозяйство	20,6	41,7	36,5	18,8	17,3

Рассчитано по: ОНПЗ, август 2002.

Поскольку производительность труда в личном подсобном хозяйстве мало меняется со временем, некоторое представление о затратах такого труда дают данные о его результатах. Прежде всего речь идет о величине валовой сельскохозяйственной продукции, произведенной в ЛПХ (здесь следует учитывать, что эти данные включают продукцию, произведенную не только для личного потребления, но и для реализации). Объем продукции, производимой в ЛПХ, по официальным данным, оставался примерно одинаковым на протяжении 1970-х — первой половины 1980-х гг. (рис. 23). Во второй половине 1980-х гг. (когда началась массовая раздача приусадебных участков) объем продукции этого сектора стал расти. Особенно заметно он рос в 1991—1992 гг., когда объем продукции, производимой в ЛПХ, увеличивался более чем на 8% в год. В результате в 1992 г. объем сельхозпродукции этого сектора был на 34% больше, чем в 1985 г. Но начиная с 1992 г. объем сельскохозяйственного производства в ЛПХ остается относительно неизменным.

* С 1992 г. — включая фермерские хозяйства.

Рисунок 23. Объем производства сельскохозяйственной продукции в постоянных ценах, млрд. руб., 2002 г.

Более точное представление об экономической роли нерыночного труда в сельском хозяйстве дают данные о потреблении домохозяйствами натуральной продукции ЛПХ. Согласно имеющимся оценкам, доля натурального потребления в начале 1990-х гг. немного выросла по сравнению с советским периодом и достигла примерно 10% личного потребления домохозяйств в 1993 г. (рис. 24). В течение нескольких последующих лет вклад натуральной

продукции ЛПХ в личное потребление оставался примерно постоянным, а в последние годы он начал постепенно снижаться. В итоге в 2001 г. вся эта безумная нерыночная огородная деятельность, в которую в аграрный сезон было вовлечено 37 млн. чел. (34% населения в возрасте 15—72 года), обеспечила всего-навсего 4% ВВП, 8—9% конечного потребления домашних хозяйств и 14% потребления продуктов питания! Понятно, что ни о какой эффективности этой деятельности не может быть и речи.

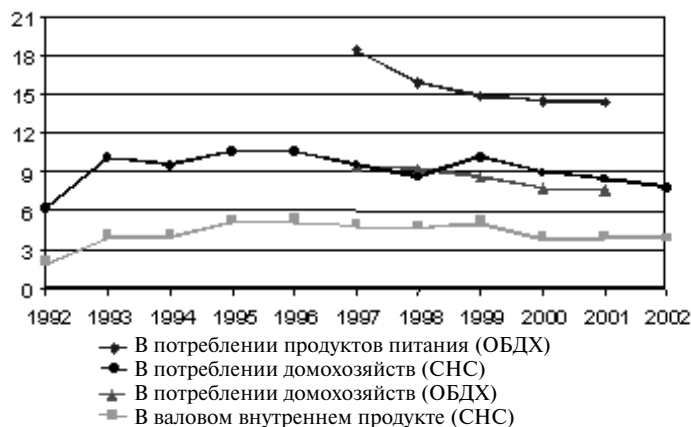

Рисунок 24. Доля натуральной продукции ЛПХ в потреблении продуктов питания, общем конечном потреблении домохозяйств и валовом внутреннем продукте, %

Существует распространенное в популярной литературе заблуждение, что продукты «с огорода» служат существенным подспорьем для малообеспеченных семей. Однако материалы проводимого Госкомстатом выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств не подтверждают это представление (табл. 12). По данным ОБДХ, доля продукции личных подсобных хозяйств варьируется по домохозяйствам с разным уровнем доходов в пределах от 5 до 11% всего конечного потребления и от 12 до 17% потребления продуктов питания.

Иными словами, «с огорода» кормятся примерно в равной степени все слои населения, в том числе члены домохозяйств с наибольшими располагаемыми доходами. Это позволяет сделать вывод о том, что работа в личном подсобном хозяйстве достаточно сложным образом соотносится с эффективностью рынка труда. В существенной мере это — социальная проблема, отражающая, в частности, плохую организацию досуга населения, неумение или невозможность эффективного использования свободного времени.

Таблица 12. Вклад личного подсобного хозяйства в конечное потребление домохозяйств по уровню доходов, 2001 г., %

Группы населения по уровню доходов	Размер конечного потребления (в среднем на одного члена домохозяйства в месяц), руб.	Доля стоимости питания в конечном потреблении	Доля поступлений из личного подсобного хозяйства в конечном потреблении	Доля поступлений из личного подсобного хозяйства в стоимости питания
Все домашние хозяйства	1835,4	52,7	7,6	14,4
1-я группа	529,2	67,6	11,4	16,9
2-я группа	780,0	66,2	11,6	17,5
3-я группа	971,8	65,1	11,1	17,1
4-я группа	1170,7	63,7	10,5	16,5
5-я группа	1392,9	62,3	9,9	15,9
6-я группа	1640,8	58,0	9,1	15,
7-я группа	2002,7	54,3	7,8	14,4
8-я группа	2400,6	50,8	6,9	13,6
9-я группа	3001,1	48,2	6,2	12,9
10-я группа (с наибольшим располагаемым доходом)	4464,1	41,4	5,1	12,3

С точки же зрения экономической эффективности это означает, во-первых, что затраты нерыночного труда в сфере сельскохозяйственной деятельности являются безальтернативными, и их нельзя реаллоцировать в другие сектора экономики. Во-вторых, эта нерыночная сельскохозяйственная деятельность приводит к тому, что в аграрный сезон фактическая продолжительность рабочей недели занятых в рыночном производстве в среднем увеличивается на 10 часов. В аграрный сезон примерно 30% занятых в рыночном секторе одновременно заняты вторичной нерыночной сельскохозяйственной деятельностью (в августе 2002 г. — 20,8 млн. чел. из 67,5 млн. занятых). У этой группы населения средняя продолжительность рабочей недели увеличивается, по нашим оценкам, более чем на 20 часов, достигая 60 и более часов в неделю. Ясно, что при такой продолжительности рабочей недели не может не снижаться производительность труда на основном месте работы.

Итак, внешне российский рынок труда выглядит как достаточно эффективный. Имеющиеся трудовые ресурсы весьма интенсивно, по международным меркам, вовлекаются в экономику. При этом структура вовлечения рабочей силы в процесс общественного производства также соответствует стандартам эффективности: наиболее полно используются те сегменты рабочей силы, которые отличаются наибольшей производительностью (речь идет о таких рассмотренных выше стандартных характеристиках, как пол, возраст, тип поселения и образование).

В последние годы наблюдается быстрый рост часовой производительности труда, и к 2003 г. в несельскохозяйственном секторе экономики в целом она приблизилась к максимальному советскому уровню конца 1980-х гг. При этом в секторах, производящих рыночные товары (промышленность и строительство) и рыночные услуги (торговля, связь, транспорт и финансы) часовая производительность труда, по-видимому, уже заметно превысила советский уровень.

Однако не все так благополучно с использованием рабочей силы, как это кажется на первый взгляд. В экономике сохраняются две гигантские области неэффективности, а именно — производство квазирыночных услуг (ЖКХ, наука, здравоохранение, культура и искусство, образование, госуправление) и производство квазирыночных товаров (сельское хозяйство). В этих секторах рыночные механизмы, обеспечивающие увеличение эффективности использования рабочей силы и производительности труда, по сей день отсутствуют вовсе или не получили достаточного развития за 1990-е гг. Именно эти сектора экономики сдерживают рост эффективности функционирования рынка рабочей силы и нуждаются в первоочередном реформировании.

Препринт WP3/2003/06
Серия WP3
Проблемы рынка труда

Полетаев А.В.

**Эффективность функционирования
российского рынка труда**

Публикуется в авторской редакции

Зав. редакцией *Е.В. Попова*
Выпускающий редактор *А.В. Заиченко*
Компьютерная верстка *А.М. Кулаков*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2,94. Усл. печ. л. 3,02. Заказ № 185. Изд. № 404

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3